

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

[РУССКИЕ СКАЗКИ]

Роман Злотников

Русские сказки

«Автор»

Злотников Р. В.

Русские сказки / Р. В. Злотников — «Автор»,

Российская космическая империя отметила трехсотую печальную годовщину казни императорской семьи Романовых. Планета Голуэя прошла похожий исторический путь – когда-то там тоже случилась мировая война, в которой участвовали большинство крупных государств, и в одном из них произошла революция, была свергнута правящая династия, неудачно завершилась попытка установить справедливую республику. С тех пор власть на планете несколько веков находится в руках тиранов, и есть сведения, что голуэйцы создали «гипербомбу» на основе самых продвинутых технологий. А это угрожает безопасности всей обитаемой вселенной. Спецгент Американской федерации Айвен Круифф и русский штаб-майор Иван Р. Голицын высаживаются на Голуэю, но попадают в ее далекое прошлое – эпоху первых механических средств передвижения, дирижаблей и разгорающейся гражданской войны...

© Злотников Р. В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть I	12
1	12
2	18
3	24
4	30
5	36
6	42
7	48
8	54
9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Роман Валерьевич Злотников

Русские сказки

Пролог

Федеральный агент Айвен Круифф не любил работать с русскими. Возможно, повинны в этом были детские впечатления. Его мама считала, что забивать ребенку голову всякими лживыми, слезливыми сказочками означает поступать против воли Господа, давшего человеку разум и речь, а первейший долг родителей состоит в том, чтобы попытаться как можно раньше научить свое чадо отличать добро от зла. А потому, в перерыве между утренней молитвой и вечерним чтением Библии, она однажды рассказала ему о том, что когда-то давно русские казнили своего короля, а потом Бог их за это долго наказывал. До тех пор, пока они не выбрали себе нового. А может, все началось чуть позже, в университете. Русские тогда как раз вляпались в Сонтреймский конфликт, и симпатии большинства студентов, конечно, были на стороне тех, кто представлялся им в то время маленьким, но гордым и свободолюбивым народом. Кстати, в тот раз сонтреймцы сумели хорошенько надавать русским по зубам. Помнится, тогда в университете была очень популярна шутка про медведя, который по полгода спит в яме, носящей смешное название «берлога», и о шустром хорьке, пробравшемся в эту яму и отгрызшем у медведя его любимую лапу. А может быть, его неприязнь была вызвана тем, что его изощренный, тренированный ум никак не мог взять в толк, как это государство, правители которого за время его существования наломали столько дров, к настоящему моменту ухитрилось тем не менее не только вообще сохраниться как таковое, но и не утратить статус одного из самых влиятельных игроков на политической арене. Вполне возможно, что были и еще какие-то более глубокие причины. Круифф никогда особо не задумывался над этим. Он просто *не любил* работать с русскими и всячески старался этого избегать. Слава богу, у агентов его ранга для этого имелась масса возможностей. Однако сейчас был как раз тот случай, когда все его возможности оказались абсолютно бесполезны. Поскольку вокруг этой забытой всеми богами планетки вращалась на геостационарной орбите одна-единственная станция-посольство, и именно русская. И с этим ничего нельзя было поделать.

Круифф незаметно вздохнул и вновь сфокусировал взгляд на собеседнике. Высокий и грузный мужчина с седеющими висками, одетый в добротный, без излишеств, костюм несколько консервативного покроя, наклонился вперед и прикурил сигару от старомодной настольной зажигалки. Потом откинулся на спинку кресла и продолжил:

– И все-таки, профессор, я не понимаю, какой интерес Стенсоновский экономический университет может испытывать к Голуэ. По-моему, она являет собой уж слишком явный нон-сенс в свете тех теорий, которые, как мне известно, вы с таким успехом разрабатываете.

Айвен несколько покровительственно усмехнулся – так, как, по его мнению, и должен был усмехаться профессор социополитики из столь престижного международного учреждения, каковым являлся Стенсоновский экономический университет, и заговорил с нарочитой, даже слегка утрированной вальяжностью:

– Ну что вы, мистер посол, в этом-то все и дело. Голуэя просто прекрасный объект для изучения, просто прекрасный. Согласно большинству наших теорий, экономика подобного типа просто не может существовать как саморазвивающаяся система, что же до тех теорий, которые допускают ее существование, то они утверждают, что подобное развитие очень быстро приводит к коллапсу. Однако же на Голуэе мы этого не видим, не так ли? Ну скажите, разве не интересно исследовать подобный феномен?

Посол глубокомысленно усмехнулся:

– Вы не совсем правы, профессор. Согласно заключениям наших экспертов, их экономика пребывает в коллапсе уже более полутора сотен лет. А поскольку их вариант экономической организации наиболее успешно работает именно в экстремальных условиях, они, понимая это, постарались, и вполне успешно, как видите, растянуть этот коллапс на столь длительное время. К тому же в самом начале, пока шло распространение по планете ныне господствующего варианта социоэкономической организации, им пришлось выдержать очень сильную конкуренцию с иными вариантами, часто переходившую в фазу военного конфликта. А что может быть более мощным стимулом для технологического рывка, чем хорошая крупномасштабная война? – Посол скривил губы в иронической улыбке и развел руками, потом вновь посерьезнел. – Так что за эти первые сто пятьдесят лет им удалось подняться от уровня паровых и примитивных электрических технологий до термояда. И даже освоить околопланетное пространство. – Посол пожал плечами. – Впрочем, несомненно, что при более разумной социоэкономической организации они бы могли добиться гораздо большего. Ведь даже отказ от экономического освоения ресурсов остальных планет системы был вызван больше политическими, нежели технологическими причинами. Их руководители опасались, что колонии, без которых освоение планет не только экономически нецелесообразно, но и просто невозможно, окажутся слишком изолированы от той системы тотального контроля, которая является основным атрибутом и стеновым хребтом их социоэкономической организации... – Тут посол улыбнулся. – Впрочем, кому я это рассказываю?

И оба понимающе рассмеялись.

Когда смех утих, Круифф энергично взмахнул рукой:

– Да-да, здесь наши выводы полностью совпадают, но меня больше всего интересует, почему они не рухнули в первые же десятилетия? – Он широко раскрыл глаза, стараясь придать своему лицу самое что ни на есть невинное выражение, но не удержался от шпильки: – Ведь, как вы, несомненно, знаете, ваши предки почти четыре столетия назад, еще на Земле, тоже попытались было создать нечто подобное, однако эта попытка потерпела фиаско менее чем через семьдесят лет, а здесь продолжается уже почти триста... – Он сделал паузу, дожидаясь реакции посла, но тот великолепно держал паузу, и только большой опыт Круиффа позволил ему заметить, что складка в углах волевого рта собеседника обрела несколько большую жесткость. Айвен ругнул себя за несдержанность и постарался быстро перевести разговор на более отдаленную тему: – Кстати, если уж углубляться в историю, то как раз в двадцатом веке жил автор, который достаточно достоверно описал тот вариант социальной организации общества, который, как мне кажется, в настоящее время существует на Голуэе. Его звали Джордж Оруэлл, а название книги, м-м-м, кажется...

– «1984», – вежливо подсказал посол.

– О, так вы читали!

Посол сухо кивнул, а Айвен вдруг припомнил, что древний автор в своей книге имел в виду как раз то государство, которое в то время существовало на родине посла, и поспешно закрыл рот, чтобы не сморозить очередную глупость, которая на этот раз могла оказаться неоправданной. Некоторое время они оба молчали, потом посол, спохватившись, любезно улыбнулся:

– Ну что ж, господин профессор, я думаю, в моих силах удовлетворить ваше желание.

Круифф изобразил на своем лице признательность:

– Очень рад, очень рад... И когда я смогу отправиться вниз?

Посол усмехнулся, всем своим видом показывая, что его забавляет непосредственность уважаемого гостя:

– Не торопитесь, профессор. Голуэя – не тот мир, где иностранцы могут чувствовать себя свободно, как бы им хотелось. Думаю, процесс выдачи визы продлится не менее недели и за это время вам придется заполнить кучу всяких анкет. Да и позже, на поверхности, вам при-

дется тратить уйму времени на то, чтобы добиться у местных чиновников необходимых вам разрешений. – Посол снова растянул губы в улыбке: – У них несколько более зарегулированное общество, чем то, к которому вы, да и мы, привыкли. На Голуэе требуется специальное разрешение даже для того, чтобы на один день съездить в соседний город.

На лице Круиффа отразилась целая гамма чувств – удивление, досада, разочарование, а потом он робко пробормотал:

– Но я считал, что виза...

Посол отрицательно покачал головой:

– О нет, мистер Круифф, виза – это только первый шаг. – Посол заговорил наставительным тоном: – Там, внизу, вам будет выделена специальная квартира, покидать которую вы сможете только в определенные часы. Будет определен маршрут, только в строгом соответствии с которым вы сможете передвигаться, вы будете прикреплены к терминалу в строго определенной библиотеке, поскольку право на личные терминалы имеют только функционеры достаточно высокого уровня. Получите также карточки на питание в определенной столовой. И это все. Если вам понадобится что-то еще, вы должны будете снова обращаться за разрешением.

Лицо Круиффа выразило крайнее замешательство.

– Но... а не могло бы посольство взять на себя... скажем, некоторые из этих проблем... – Он говорил, то и дело запинаясь, словно испытывал стеснение и неловкость. – Я знаю, подобные, скажем так, отдаленные учреждения в любом государстве финансируются не слишком щедро, а я являюсь представителем одного из влиятельных членов наблюдательного совета университета, и мы могли бы поучаствовать...

Посол снова улыбнулся, но на этот раз в его улыбке сквозила насмешка.

– Благодарю вас, профессор, но у нас вполне достаточное финансирование. А что касается вашей просьбы, то, как мне кажется, я смогу пойти вам навстречу. – Он повернулся к встроенному терминалу и нажал клавишу. – Один из моих сотрудников как раз собирался «вниз». У него осталась пара недель от отпуска, – посол слегка наклонился в сторону Круиффа, его голос звучал доверительно, несколько даже заговорщицки, – знаете, хоть это и не особо приветствуется, но мы построили в горах Орала неплохую лыжную базу, специально для отдыха персонала. – Он развел руками, как бы извиняясь. – Вы ведь знаете – с Голуэей нет никакой торговли, транспортная связь от случая к случаю, так что не всегда удается подгадать так, чтобы провести в империи весь отпуск. А совмещать отпуска служащим Департамента внешних сношений запрещено. Поэтому многие предпочитают проводить оставшуюся часть отпуска «внизу». Катаются на лыжах, ходят по горам, короче, развлекаются как могут. Так что я готов попросить моего сотрудника взять над вами шефство. Ему «снизу» это будет сделать гораздо легче, чем нам отсюда, с орбиты. – Посол замолчал, выжидательно глядя на Айвена, который, спохватившись, поспешно заулыбался, кивая головой.

– Но... вы сказали, что я буду жить в специально отведенной квартире, а ваш сотрудник на этом лыжном курорте. Может быть, лучше и мне...

Посол хмыкнул:

– Какой уж там курорт. Так, три домика в старотирольском стиле. – Он снова наклонился к Айвену и добавил самым доверительным тоном: – Впрочем, не сомневаюсь, что вам там было бы удобнее, чем в этих муравейниках, которые они называют городами. Однако, – посол снова развел руками, – к сожалению, это абсолютно невозможно. Если вы поселитесь на базе, голуэйцы никогда не предоставят вам доступ к своему терминалу. А все наши терминалы закомутированы только на посольскую сеть и не имеют никакого выхода к голуэйцам. Даже текущую связь с ними мы осуществляем только по специальным двусторонним замкнутым кабельным линиям. – Словно предупреждая следующий вопрос Круиффа, посол зачистил: – Но насчет всего остального можете не беспокоиться, все мои сотрудники имеют зиц-паспорта с довольно широкими правами передвижения, так что ваш, – посол хмыкнул, – так сказать, куратор смо-

жет спокойно посещать вас, скажем, раз в день и оперативно помогать вам с решением возникающих проблем. – Он снова хмыкнул и закончил несколько двусмысленно: – У нас здесь большой опыт в подобного рода делах.

Айвен изобразил нерешительность:

– Не знаю, удобно ли это? Ведь, насколько я понял, ваш человек собрался отдохнуть...

Посол покачал головой:

– Не беспокойтесь. Мы все бываем на поверхности, как минимум, раз в месяц, так что и это развлечение успело большинству порядком приесться. А поскольку жизнь у нас здесь довольно скучная, я думаю, он с радостью ухватится за возможность хоть немного ее разнообразить.

– Ну если так...

На широком лице посла расцвела самая радушная улыбка:

– Вот именно, профессор, и не берите в голову. Оказывать всемерное содействие гражданам Содружества – наша святая обязанность.

Круифф удовлетворенно закивал головой:

– Что ж, благодарю. Так значит – неделя.

Посол развел руками:

– Мы сделаем все возможное, чтобы сократить этот срок.

Вечером Айвен, приняв душ, сбил себе в ручном шейкере свой любимый коктейль и устроился перед визиографом в обширной спальне, занимавшей одну пятую площади отведенных ему апартаментов, впрочем гораздо более скромных, чем те, к которым привык. Надо было продумать ситуацию с начала и до конца и на этот раз постараться ничего не упустить. По его прикидкам, он отыграл свою партию с эффективностью, близкой к максимальной. Последние двадцать лет он работал в центральном аппарате (этот фактор оказался одним из решающих при его назначении на это задание, поскольку руководство полагало – и было совершенно право, – что вряд ли среди ныне действующих полевых агентов найдется хоть один, не идентифицированный контрразведывательным отделом посольства) и потому успел слегка подзабыть навыки полевого агента. Впрочем, Круифф и на заре своей карьеры никогда не считался особо крутым полевым. Его коньком всегда был документарный анализ, вот здесь ему равных не было. Но Айвен тряхнул стариной и основательно подготовился к своей нелегкой миссии, внимательно изучив, помимо массы специального материала по Голузе, и всю имеющуюся информацию по персоналу русского посольства. Сам посол был отставным адмиралом и землевладельцем средней руки, а посему сыгранный Круиффом образ жирующего ученого из престижного университета должен был показаться ему вполне правдоподобным. Одной из основных психохарактеристик подобного типа личности является устойчивое отвращение к громким скандалам, а прошлогодние социологические исследования Ломоносовского университета, которые Айвен тщательно изучил перед отъездом, убедительно свидетельствовали о том, что в этой среде господствует устойчивое мнение, будто граждане Американской федерации – завзятые скандалисты. Причем американские ученые по этому показателю могут дать сто очков вперед большинству своих сограждан. На мысль изобразить такого человека Круиффа натолкнул прежде всего Лос-Ангейский скандал, попортивший его «конторе» немало крови. Однако недаром у русских есть пословица: «Нет худа без добра». Бытующее предубеждение на сей раз было Круиффу на руку. Посол, скорее всего, приложит максимум усилий, чтобы потенциально скандальный тип из «яйцеголовых» побыстрее сделал свои дела и убрался восвояси, а значит, никаких особых затруднений с этой стороны вроде бы не предвидится. Однако этому типу личности, как правило, сопутствует врожденная недоверчивость, так что он, скорее всего, должен был бы приставить к Айвену своего соглядатая. И поскольку этого все равно было не избежать, Круифф сам предоставил ему такую возможность. Айвен слегка усмехнулся

при воспоминании о том, как посол словно бы вынужденно, но совершенно открыто заговорил о так называемой «лыжной базе». Впрочем, эта его откровенность вполне понятна и ничего не меняет. Если посол заподозрил, что Круифф не тот, за кого себя выдает, то он должен был предположить, что информация о базе на поверхности не является для него новостью, а если гость посольства – всего лишь профессор, то не о чем и беспокоиться. И все-таки реакции посла ему не очень понравились. Конечно, просчитать человека, прошедшего подготовку по курсу мимокоррекции, чрезвычайно сложно (а в том, что дипломат подобного ранга, пусть даже и не профессиональный, прошел подобную подготовку, сомневаться не приходилось), но кое-что Айвену все же удалось рассмотреть. И это кое-что озадачивало. Дрожание век, структура изменения ритма и глубины дыхания, тремор рук немного не соответствовали тем, которые можно было ожидать. Хотя, возможно, все дело в каких-то индивидуальных особенностях организма. К тому же отставной адмирал оказался несколько более начитанным, чем Круифф мог предположить. На первый взгляд он не принадлежал к типу людей, которые интересуются древними авторами. Впрочем, и это тоже имело свое логическое объяснение. Наверное, если бы сам Круифф оказался сотрудником посольства планеты, которая только что опубликовала что-то вроде «Билля о правах» или находится в состоянии гражданской войны из-за разногласий по поводу рабства, то, скорее всего, проявлял бы не меньший интерес к собственной истории. А у русских их Гражданская война вообще была пунктиком. Айвен слышал, что они каждый год устраивают настоящее маленькое сражение на Земле, где-то на юге их Метрополии, в местечке со странным названием Перекоп. Вроде как французы у Ватерлоо. А в прошлом году, когда они отмечали трехсотую годовщину казни императорской семьи, интерес к тому времени вообще превратился в некую разновидность массового психоза. Слава богу, сейчас он сходит на нет. Так что, возможно, неприятная осведомленность посла имеет вполне земные корни. Во всяком случае, все, что могло произойти, уже произошло. Оставалось только ждать.

Посол не обманул. Всего через четыре дня Круифф вновь оказался в уже знакомом кабинете. На этот раз посол был не один. В углу кабинета, в большом широком кресле, расположенном рядом с массивным, под стать всей мебели кабинета, журнальным столиком и кадкой, в которой росла карликовая сосна, сидел двухметровый громила, затянутый в универсальный спортивный комбинезон. Среди несколько по-варварски помпезной обстановки посольского кабинета подобная одежда резала глаз, но, судя по всему, посол решил, что в таком облачении громила будет выглядеть менее устрашающе. Или, может быть, ему просто захотелось подбавить в предстоящий разговор немножко демократичности, если не фамильярности. Во всяком случае, когда хозяин кабинета вышел из-за стола и, встретив Круиффа на полпути от двери, пожал ему руку, Круифф решил, что и последнее предположение тоже вполне имеет право на существование. С широкой радушной улыбкой на лице посол мягким движением повернул драгоценного гостя к гроmile, который поднялся с кресла с неожиданной для своих размеров грациозностью. Посол несколько интимным жестом склонил голову к плечу Круиффа и заговорил самым доверительным голосом:

– Поздравляю, мой дорогой профессор, ваша виза готова. – Он указал кивком головы на громилу: – Знакомьтесь, штаб-майор Иван Р. Голицын, ваш сопровождающий. Он – сотрудник охраны посольства и к тому же частенько исполняет обязанности курьера, так что ваш добровольный помощник не новичок во властных коридорах. Я думаю, «внизу» он будет для вас намного полезнее, чем любой другой.

– О, благодарю. – Круифф протянул руку шагнувшему к нему майору и изобразил нечто вроде кислой улыбки. А как еще, скажите на милость, должна реагировать подобная ученая крыса, если ему в провожатые навязывают этакое нечто явно из военного ведомства, столь нелюбезного сердцу всякого университетского обитателя. Похоже, он несколько переоценил интеллект посла. Но разве можно было предположить, что дипломат, пусть даже непрофесси-

ональный, опустится до столь неуклюжей мести. Айвен сделал вид, что вежливый тон дается ему с некоторым усилием: – И когда я смогу отправиться?

На этот раз тренированный глаз мог бы обнаружить в улыбке посла признаки тщательно скрываемого удовлетворения.

– Я уже распорядился готовить челнок. Голуэйцы дают нам коридор только на час в день, так что если вы не желаете остаться до завтрашнего полудня, то необходимо покинуть посольство не позже чем через полчаса.

– О, конечно-конечно. Я особо не распаковывался, но у меня...

– Не беспокойтесь, профессор, господин майор поможет вам донести вещи. Свои он загрузил в челнок еще с утра.

Майор молча кивнул.

Посольский челнок оказался маленьким семиместным корабликом, в котором явно угадывалась военная родословная.

Впрочем, это было в духе русских. Вполне вероятно, что и сама станция посольства когда-то болталась на орбите какой-нибудь из их планет в качестве орбитальной батареи. При чем можно было предположить с большой долей уверенности, что существенная часть систем защиты и наблюдения до сих пор поддерживается в исправном состоянии.

Они с майором расположились в соседних креслах наискосок друг от друга, ибо длина ног майора не допускала никакого иного расположения. Круифф устроился поудобнее и принялся исподтишка разглядывать этого русского. Спустя пару минут он чуть не присвистнул от удивления. Нет, посол оказался вовсе не так прост. Его сопровождающий был высок и при этом массивен, запястья заметно, даже несколько неестественно утолщены, зрачок крупный, но подвижный и, судя по рельефно выступающему животу, очень развитая диафрагма. Несомненно, проект «Святослав»! Федеральное агентство стратегической информации прознало об этом проекте не так давно. Когда он уже лет пять как считался полностью свернутым. Впрочем, как знать... Насколько Круиффу помнилось, все известные им участники этого проекта до сих пор пребывали на своих должностях, так что проект вполне мог в той или иной форме продолжать свое существование. И идея-то была неплоха. В отличие от прежних, радикальных попыток создания так называемого «человека будущего» русские попытались внести в человеческий организм только некоторые улучшения – заменить какую-то часть атомов углерода скелета на более прочный кремний, немного повысить скорость прохождения нервных импульсов, слегка поднять содержание железа в крови, чтобы улучшить снабжение тканей кислородом, увеличить плотность чувствительных элементов на сетчатке, утолщить мышечные микрожгутики, увеличить количество нейронных связей в мозгу... ну, и еще десяток подобных мало заметных изменений... И посмотреть, что из этого получится. По имеющимся сведениям, подобным процедурам было подвергнуто около семи сотен молодых военных, и, судя по тому, что большинство из них в настоящее время все еще подвизалось в армии, да к тому же по большей части в элитных специальных подразделениях, у русских кое-что получилось. Похоже, правда, что супермены вышли несколько однобокими. Во всяком случае, на роль «человека будущего» они явно не тянули. Но что подобная машина для убийства может делать в этом богом забытом медвежьем углу? А что, если русские тоже узнали о... Круифф сердито нахмурился, но тут же, опомнившись, придал лицу спокойное выражение. Впрочем, этот майор тоже мог состоять в каком-нибудь специальном подразделении. Насколько Круифф помнил, русские набирали охрану посольств из состава специальных подразделений флота – так называемых «Бешеных медведей». «Медведи» использовали время своего пребывания в должности охранников для детальной подготовки к действиям на этих планетах: совершенствования в языке, изучения местности, площадок десантирования и подходов к наиболее важным объектам, для ознакомления с культурными особенностями. Так что на случай войны у русских под рукой были полностью подготовленные подразделения диверсантов, пригодных для глубо-

кой заброски. Айвен мысленно поморщился. Бойцы таких подразделений были, по существу, смертниками, поскольку в случае начала масштабной войны, когда только и могла возникнуть потребность в подобного рода действиях, ни о какой поддержке и тем более эвакуации после выполнения задания не могло быть и речи. Но какого черта посол приставил подобного типа к нему самому?

Челнок начало потряхивать, затем стала быстро нарастать тяжесть. Они входили в плотные слои атмосферы. Айвен посмотрел на боковой обзорный экран. Компенсаторы избавляли изображение от сетки мощных электрических разрядов, бушующих сейчас на поверхности челнока, и все же из-за великого множества помех картинка на экране выглядела весьма смазанной. Круифф был поражен тем, как сильно все напоминает посадку на Землю. Состав атмосферы, мощность и структура ионосферы у планет разные, а потому посадка на каждую новую планету всегда превращалась для Круиффа в увлекательное зрелище, но сейчас... Он был потрясен. В центральном офисе, на Земле, он был, наверное, несколько сотен раз, так что цветовая гамма посадки на Землю была ему прекрасно знакома. И вот сейчас он наблюдал нечто чрезвычайно похожее. Настолько похожее, что, если бы кресло напротив не занимал этот русский, могло показаться, что он в очередной раз направляется в штаб-квартиру своего агентства и шаттл заходит на посадочную глиссаду, оканчивающуюся на специальном посадочном поле Кемп, штат Орегон, Метрополия.

Кресло напротив скрипнуло. Айвен оторвался от экрана и повернул голову к своему попутчику. Тот сидел с закрытыми глазами, откинувшись в кресле. Его губы были страдальчески сжаты. Что ж, хотя перегрузки были вполне терпимы, майору, с его изрядно утяжеленными костями, явно приходилось гораздо круче, чем ему. Круифф посмотрел на майора с сочувствием. Тот, видимо, почувствовал его взгляд: веки его приподнялись, он окинул Круиффа спокойным взором своих светло-голубых, почти серых глаз, потом подчеркнуто безразлично отвернулся. Мысли Айвена тут же приняли несколько иное направление. Самой памятной попыткой усовершенствования человеческой природы был проект «Нибелунги», осуществленный семьдесят лет назад в Объединенной федеративной республике. Немцы вовлекли в проект почти восемь тысяч человек, в основном молодых юношей и девушек. Предполагалось, что они дадут начало чему-то вроде новой расы, основные улучшенные черты которой путем естественного генетического скрещивания постепенно распространятся на остальную часть населения. Круифф мысленно улыбнулся. Это было грандиозно. Двенадцать лет сплошного триумфа... а потом полный крах. Все семь тысяч с лишком суперлюдей умерли в течение полутора лет от чудовищного букета болезней, из которых саркома Ракоши оказалась наиболее безобидной. И никто до сих пор не знает почему. А как много осталось этому майору? Круифф поморщился от этой мысли, но отвязаться от нее так и не смог. Интересно, сколько ему было, когда он вляпался в эту дрянь? Двадцать? Двадцать пять? Вряд ли больше. И что теперь? Ломота в костях? Мышечные боли? Кошмары по ночам? Впрочем, вряд ли. Если бы это было так, он не был бы тем, кем сейчас является. Конечно, подопытную свинку удобнее держать в погонах, в случае возникновения проблем всегда можно быстро заткнуть в дальний гарнизонный госпиталь или вообще спрятать концы в воду, и русские показали себя в этом гораздо разумнее немцев, но совершенно абсурдно предполагать, что, если бы у майора в настоящее время были какие-нибудь серьезные проблемы со здоровьем, он смог бы даже близко подойти к той должности, которую занимает сейчас. Так что его час расплаты за юношеский авантюризм пока не наступил. Пока.

Айвен криво усмехнулся, подивившись внезапному приступу сентиментальности, охватившему его в столь неподходящий момент, да еще по отношению к русскому, и снова повернулся к боковому экрану.

В этот момент перед челноком вспыхнула черная звезда.

Часть I

Холодная зима

1

– И все-таки, судари мои, я считаю, что это только начало. Попомните мои слова, грядет страшное время. – Мужчина в пенсне, с благообразной бородкой, окаймлявшей снизу его скорбно сморщенное лицо, с выражением которого так не вязался яркий румянец его щек, сокрушенно покачивая головой, обвел взглядом своих собеседников.

Один из них, крупный мужчина в добротном шерстяном костюме, обремененный объемистым брюшком, открыл было рот, чтобы ответить, но подавился. Наконец ему удалось все же судорожным глотком протолкнуть соленый грибочек в свое солидное нутро, и он, бодро вскинувшись, повернулся к собеседнику:

– Чепуха, сударь, совершеннейшая чепуха! Мы, осенисты, предупреждали его величество, что столь явное небрежение правами граждан, дарованными им самим в его благословенном осеннем манифесте, небрежение, демонстрируемое людьми, которых он облек своим доверием, пренебреженно пагубно отразится на нем самом. И, как видите, мы были правы. Но сейчас все позади. – Он сделал паузу, чтобы приложиться к рюмке и закусить розовой пластиночкой соленого салыца, потом деликатно рыгнул, заслонив рот ладонью, и продолжил уже более благодушно: – Конечно, некоторые эксцессы неизбежны, но, как только князь Эйген получит портфель премьера, он быстро сумеет все привести в порядок. Вот помяните мои слова.

Другой собеседник, высокий худой мужчина с наголо бритым черепом и черными, вытянутыми в нитку усами, одетый в длинный черный сюртук, иронично скривился, раздраженно сорвал с шеи салфетку, нервным движением вытер губы и, скомкав, бросил ее на стол.

– Наивный бред! – Его голос был, под стать наружности, хриловато-скрипуч. – Осенисты – это толпа благодушных мечтателей, а ваш князь Эйген – крикун и суматошник. Я скорее поверю в то, что можно убедить суверена денонсировать свое отречение, чем в то, что осенисты смогут сделать что-нибудь путное с этой страной.

Упитанного мужчину, казалось, столь явная грубость ничуть не обидела.

– Зря вы так категоричны, барон.

Он неодобрительно покачал головой и попытался сделать недовольное лицо, что, впрочем, ему совершенно не удалось. Поэтому он оставил эти попытки и, потянувшись через стол к большому блюду, подцепил вилок колечко еще горячей чесночной колбаски, покрытое хрустящей золотистой корочкой, поднес его к глазам и несколько мгновений придирчиво разглядывал, потом со вздохом отправил в рот. Прожевав, он опять отпил наливочки из рюмки и повернулся к барону:

– Так вот, как я уже говорил, вы слишком категоричны. Наша партия объединяет людей, которые составляют гордость нашей империи. Ставкин, Осензей, граф Колнемчин, ваш земляк маркграф Заксензих... и к тому же – кто еще может принять на себя ответственность за судьбы империи после отречения суверена? Конституционалисты? Монархисты? Или, – он хохотнул, – Черная тысяча? Вот это уж, милостивый государь, действительно бред.

Барон набычился:

– Отнюдь. Пусть в Черной тысяче нет громких имен, но мы многочисленны и сплоченны. У нас широкая поддержка в низах...

Его оппонент благодушно рассмеялся:

– Ну что вы, батенька. Какая поддержка? Несколько десятков лавочников, приказчики да мелкие торговцы.

Барон побагровел, но третий собеседник вовремя заметил, что дело неладно, и торопливо замахал руками:

– Господа, господа, ну будет, будет. Мы же с вами культурные люди. Еще не хватало, чтобы мы разругались, как граф Сомскин и Крайненгоф на вечере у князя Элбрана третьего дня. Право, суверен поступил очень опрометчиво, согласившись подписать отречение. Положительно все помешались на политике. Барон Койроф, так тот вообще, верите ли, велел от своего дома натянуть через всю улицу плакат: «Да здравствует Конституционное собрание!», а когда хозяин доходного дома, что напротив, не позволил крепить скобу к стене, так барон тотчас выкупил у него дом и, говорят, Господи прости, за сорок тыщ, – тут говоривший сморщился и покачал головой, – а дом-то, дом – гниль одна, потолки бревнами подперты. Лет сорок уж как ремонта не было. Тьфу, а не дом, пятнадцать тыщ красная цена.

Бритый усмехнулся:

– Да ладно вам, милейший господин Максин. Для барона дело ведь не в доме, плакат-то он уж наверное повесил?

– Конечно, тотчас. Еще чернила на договоре не просохли.

– Вот видите. Хотел барон – и сделал, как хотел. А на это никаких денег не жалко.

Упитанный согласно кивнул и потянулся к блюду с пирогами, стоящему под его левой рукой.

– Полностью с вами согласен, господин барон. Хотя я бы был снисходителен к нашему милейшему хозяину. Я думаю, что подобное расточительство лишило бы душевного спокойствия любого банкира. – Он замолчал, отдавая должное пышному пирогу с грибами, и круто сменил разговор, благодушно улыбаясь хозяину: – А кухарка у вас отменная, уважаемый, все мечтаю переманить, да никак не решусь. А ну как не согласится, а вы обидитесь, от дома откажете. Как мне тогда? – И он утробно расхохотался.

Его смех был столь заразителен, что спустя несколько мгновений к нему присоединились и остальные.

Когда все немного успокоились, барон покачал головой:

– Да-а-а, прошу простить, профессор, но я больше не знаю ни одного человека, способного столь изящно перейти от разговора о судьбах бывшей империи к... – тут он не выдержал и снова хмыкнул, – к собственным гастрономическим пристрастиям.

Профессор кивнул:

– Ну и что? Жизнь, батенька, слишком коротка, чтобы растрчивать ее на этикие глобальные вещи. Надобно уметь радоваться и малому. Кстати, – он повернулся к хозяину дома, – я слышал, днями возвращаются ваши домашние? И что вы предполагаете насчет старшенькой?

Хозяин на мгновение задумался, тщательно прожевывая кусочек белорыбицы, который отправил в рот как раз перед самым вопросом, и, запив его глотком белого вина, пожал плечами:

– Не знаю, не знаю. Она у меня девица несколько экзальтированная, ну, вы же знаете современную молодежь, а посему вполне вероятно, что ее эксцентричный порыв уже прошел, но... Нет, ничего не могу придумать.

Барон скривил губы в саркастической улыбке, но от комментариев воздержался, а профессор, наоборот, открыл рот, чтобы что-то сказать, однако в этот момент раздался нервный стук в дверь. Все трое невольно повернули головы на звук. Хозяин недоуменно вскинул брови:

– Да-да?

Дверь со скрипом распахнулась, и на пороге вырос пожилой слуга с роскошными седоватыми бакенбардами. Он был явно взволнован:

– Прошу прощения, барин, там... это, Прол. – Слуга осекся и смущенно отвел глаза, застыдившись, что вот так, без зову, ввалился к трем важным господам и испортил им обед.

Хозяин сердито насупился:

– Так что случилось, Агафин, говори толком.

– Так Прол с утра поехал в деревню. Ну, за припасом к завтраму. Да и задержался чуток. У деверя. А как срок пришел обратно ехать, он и решил, чтоб побыстрее, аккуратно через Волчью балку. С ночи-то подморозило, вот он и думал, что проскочит. – Слуга перевел дух и, собравшись с мыслями, продолжил рассказ: – Едет это он, значит, едет, а тут сверху чтой-то как шибанет, как ухнет. Его с телеги как ветром сдуло. А наверху-то треск, а наверху-то шум. А Пролу и деться некуда, кроме как под телегу. Вот он и сидит, Господа поминает и святым кругом себя осеняет.

Хозяин поморщился:

– Полно, Агафин, давай покороче.

Слуга покраснел.

– Как угодно, барин. Так вот, когда Прол из-под телеги-то вылез, глядь – трое голых мужиков на косогоре.

– Голых? – удивился упитанный.

– Как есть голых.

Сидящие за столом недоуменно переглянулись. Барон подался вперед:

– Значит, сначала шум и гром, а потом откуда ни возьмись трое голых мужиков, так?

– Как есть истинная правда, барин, – закивал слуга.

Барон с сомнением покачал головой:

– М-м-м, ну и что они говорят?

– Так без памяти все, – пояснил слуга, – Прол их было потряс, да где там. Вот он их на телегу и сюда. Двое-то, говорит, ничего, а с третьим намаялся. Здоров дюже.

– Интересно, интересно, – упитанный засуетился и начал вылезать из-за стола, – если позволите, я их осмотрю. Чрезвычайно любопытно.

Хозяин тоже поднялся со своего места.

– Буду весьма благодарен, профессор.

И все трое, оставив накрытый стол, торопливо двинулись вслед за слугой вон из комнаты.

Трое мужчин, привезенных Пролом, были уже выгружены из телеги и уложены в людской на сено. Когда господа спустились в людскую, конюх как раз заботливо укрывал их лоскутным одеялом и старыми попонами. Вокруг толпилась прислуга и дворовые, суетливо расступившиеся, когда Агафин вlepил ближнему пареньку затрещину и зычно выкрикнул:

– Брысь отседова, барину дорогу заслонили.

Упитанный профессор тут же выскочил вперед и подбежал к стоящему рядом с импровизированным ложем табурету, на ходу доставая часы из жилетного кармана.

– Нуте-с, нуте-с, – бормотал он, захватив запястье крайнего пухлыми, но, по всему было видно, умелыми пальцами. Посчитав пульс первого, он перешел ко второму, а когда взял руку третьего, его брови удивленно вскинулись: – Посмотрите, господа, каков богатырь. И пульс не нащупаешь, руки не хватает. – Он поерзал пальцами, приспособиваясь, потом положил руку на лоб, сделал еще несколько манипуляций и оттянул веко. Потом повернулся к остальным: – Что ж, похоже, эти господа абсолютно здоровы. Вы только посмотрите, какие здоровые зубы. А кожа... будто только из табесской бани с благовониями. – Он весело хохотнул, но тут же принял серьезный вид. – Однако я диагностирую у них шок. Да-да, глубокий, я бы даже сказал, чрезвычайно глубокий шок, – он задумчиво покачал головой, – чрезвычайно интересно. С чем-то подобным я встречался только полтора года назад. Помните ту известную катастрофу на ипподроме, ну, когда погиб популярный авиатор... – Тут профессор осекся, и в следующее мгновение его лицо озарилось довольной улыбкой: – Ну конечно, господа, – он вскочил и забе-

гал, размахивая руками, – эти господа, несомненно, авиаторы! Видимо, их аэроплан потерпел крушение, отсюда и весь тот шум, гром и все остальное. Да-да, так оно и есть.

Барон криво усмехнулся:

– Но позвольте спросить, почему они голые?

– Голые? – Профессор недоуменно уставился на лежащих. – Э-э-э... не знаю. Возможно... – Он замолчал, не зная что ответить.

На помощь пришел хозяин дома:

– Полноте, барон, вполне вероятно, что они по каким-то причинам сняли одежду. Может быть, у них на аэроплане начался пожар, а их одежда оказалась запачкана газOLIном. Ну что мы будем гадать. Подождем, когда они очнутся, и спросим их самих. – Он повернулся к профессору: – Кстати, а не скажете ли, как долго у них будет длиться этот ваш шок?

Профессор развел пухлыми ручками:

– Не знаю, батенька, шок – это дело такое. Может пройти за час, а иногда пациент пребывает в нем и неделями. Тут уж как бог положит. – Он повернулся к лежащим. – Одно могу сказать. Похоже, что в вашем случае одним часом не обойтись.

Хозяин дома кивнул и повернул голову в сторону двери, возле которой по-прежнему толпились дворовые:

– Агафин, распорядись, чтобы этих господ немедленно перенесли наверх в гостевую. И пошли кого-нибудь, чтобы непременно были рядом.

Профессор согласно кивнул:

– Я с утра телефонирую своему приятелю Неклюди, он приват-доцент кафедры психиатрии Медицинской академии, так что это ему наверное ближе, чем мне, костоправу. – Он привычно хохотнул. – Я думаю, он сумеет выхлопотать койки в болезном доме при академии. Так что, возможно, завтра к вечеру эти господа вас больше обременять не будут.

Хозяин помотал головой:

– Да ни в коем случае, профессор. Не беспокойтесь. Дом у меня большой, место найдем, да и присмотреть за ними есть кому. У меня дочь кухарки работает сестрой милосердия в доме призрения инвалидов, а нынче как раз в отпуске. Вот ее к ним и приставим.

– Ну и славно, – обрадовался профессор, – а то, сказать по правде, болезный дом при академии битком забит. Прямо госпиталь какой-то. Слава богу, хоть на фронте последнее время затишье, а то уж столько народу покалечено, а все везут и везут. – Он сокрушенно вздохнул, но тут же вскинул голову и, растянув губы в привычной улыбке, повернулся к хозяину дома: – Кстати, батенька, а ведь мы еще не закончили. Я, признаться, всю неделю мечтал о ваших изумительных ватрушках с вареньем, а мы их еще и не попробовали. Не вернуться ли нам в столовую?

Барон усмехнулся:

– По-моему, профессор, вы и на смертном одре попросите принести себе бутерброд с ветчиной.

– А как же, батенька, а как же, – закивал профессор, – за дамами не бегаю-с, возраст, возлияниями балуюсь в меру, новомодными штучками типа авто и паровых катеров не увлекаюсь, чем еще сердце порадовать?

В столовой разговор, как и можно было ожидать, завертелся вокруг неожиданных гостей. Барон был настроен скептически:

– А я вам говорю – пьяное мужичье. Последнее в кабаке пропили и по пьяни в лесу и заплутали...

Профессор, похохатывая, возразил:

– Нет, батенька, если наш мужик и пьет, так только до исподнего. В этаким виде из кабака не выйдешь. Да и ручки у них не те, нет-с, я вам скажу, не мужицкие это пальчики. У первых двух вроде как наши с вами, а у третьего, ну того, самого здорового, так вообще интересно. –

Профессор вытянул над столом пухлую руку и, указывая пальцами другой, пояснил: – Вот тут, на костяшках, а также тут и тут – нашлепки, вроде как мозоли или пятки, будто сей господин на руках ходил или отчаянно колотил по чему-то твердому. Очень, я скажу вам, странная аномалия. – Он покачал головой и протянул руку к следующей ватрушке. – Очень бы мне было интересно с этим господином побеседовать.

На следующий день профессор прикатил в усадьбу ближе к вечеру. Когда пролетка остановилась у высокого крыльца, профессор разглядел хромированную решетку радиатора авто, хищно высунувшуюся из-за дальнего угла дома, и, по обыкновению хохотнув, повернулся к своему спутнику:

– О, барон уже здесь. Так что вы, батенька, сегодня будете солировать при, так сказать, полном аншлаге.

Они вылезли из пролетки. Профессор дал извозчику полтину мелочью, и вновь прибывшие, торопливо поднявшись по ступеням, вошли в дом.

Пока они раздевались, на улице уже совсем стемнело. Агафин, сложив шубы господ в привратницкой, торопливо зажег керосиновую лампу и повел гостей вверх по лестнице, сипло бормоча на ходу:

– Ноне хозяин из банку ра-а-ано приехалши. Все вчерашними антиресуется. Кухаркина-то дочка с ними намаялась. Ну прямо дети малые, все под себя делают... и кормить их смех один, токмо молочко там али кашку каку жиденьку. Осторожно, барин, тут ступенька высока, – он вздохнул, – как на прошлой неделе на лестнице лектричество сгорело, все никак не сподобимся монтера, – он уважительно подчеркнул голосом это слово, – пригласить. Вот и пришли. Хозяин ужо час как про вас спрашивал.

Барон тоже приехал не один. В просторной гостиной за большим круглым столом, освещенным подвешенной над ним новомодной электрической лампой под зеленым абажуром, кроме хозяина, сидели еще двое – барон и высокий военный в полевом мундире, на левом плече которого, однако, горделиво болтался аксельбант лейб-гвардейца. Рука военного была перевязана и подвешена за шею на черной косынке. Когда профессор со спутником появились на пороге, все сидящие за столом обернулись к ним, а хозяин торопливо поднялся и устремился навстречу гостям:

– Мы вас уже заждались, судари мои. Господа уж когда приехали, а вас все нет и нет. – Он повернулся к слуге: – Агафин, подавай чай. Господа доктора, наверное, притомились.

Спутник профессора попытался было открыть рот и возразить, что они перекусили у «Нанона» перед самым отъездом, но профессор не дал ему говорить:

– О, всенепременно, батенька. И, как я подозреваю, здесь не обойдется без ваших великолепных ватрушек?

– Несомненно, профессор, – улыбнулся хозяин, – разве я мог о них забыть, зная, что вы нас сегодня посетите.

Когда гости расселись, а чай разлили по чашкам, барон криво усмехнулся и, видимо продолжая прежний разговор, заговорил несколько раздраженным тоном:

– И все-таки я не понимаю, почему наш милейший хозяин принимает такое живое участие в судьбе этих троих. Вот полковник Остей, заместитель моего старого приятеля и кузена барона Эксгольма, не исключает, что это шпионы кайзерцев.

Военный, по-видимому слегка смущенный тем, что попал в столь именитую компанию (еще бы: двое гласных Третьего Государственного собрания и президент крупнейшего банка страны), нервно дернул веком, но тут же овладел собой и заговорил спокойным, хотя и несколько напряженным тоном:

– Не совсем так, господин барон. Это полковник Эксгольм горячо придерживается подобной версии. Полностью исключать этого, конечно, нельзя. После того как господин барон связался со мной, я телефонировал в Генеральный штаб и на центральный ипподром. Вчера выле-

тали только два аэроплана, и оба благополучно сели в назначенных пунктах. Так что это, скорее всего, не наши пилоты. Но, по-моему мнению, вероятность того, что это кайзерские шпионы, чрезвычайно мала. – Он натянуто улыбнулся. – Да я и не вижу причины, по которой кайзерцам стоило бы забираться так глубоко в наш тыл. Война проиграна. Фронт, считай, рухнул. Солдаты бегут толпами. Военные заводы охвачены забастовками. Нам самим-то решительно непонятно, какие у нас есть военные секреты. – Он принужденно рассмеялся, но, видимо, эта тема была для полковника больным местом, поэтому он попытался перевести разговор в иное русло: – Я скорее допускаю, что это какие-нибудь авантюристы, искатели приключений, совершавшие на свой страх и риск некий умопомрачительный вояж. И застигнутые в воздухе полумкой.

– Что ж, возможно, – кивнул хозяин дома и повернулся к новому гостю, прибывшему вместе с профессором: – А что вы думаете по этому поводу?

Тот от неожиданности поперхнулся, захлебнулся чаем и закашлялся. Профессор, сидевший рядом с ним, оторвался от очередной ватрушки, и, неодобрительно покосившись на коллегу, крепко стукнул его ладонью по спине. Гость всхрипнул и, громко кашлянув в последний раз, умолк, обводя смущенным взглядом сидящих за столом. Барон и полковник едва скрывали усмешки, профессор как ни в чем не бывало вернулся к облюбованной ватрушке, а хозяин, благожелательно глядя на смущенного гостя, молча ждал ответа на свой вопрос.

– Ну-у-у, трудно сказать, господин Максин. Во всяком случае, современная психиатрия вполне допускает, что человек, переживший падение аэроплана, может испытать достаточно сильный шок. Однако мне надо осмотреть пациентов.

– Конечно-конечно, – закивал хозяин, а профессор, недовольно покосившись на соседа, торопливо проговорил:

– Не спешите, батенька, это от вас не уйдет. – Он хохотнул. – Скажу вам честно, милейший, основное, что я вынес из вчерашнего осмотра, так это уверенность, что сии господа вряд ли будут обладать способностью двинуться куда-то в ближайшее время.

Когда профессор уже достаточно побаловал себя ватрушками и хозяин уже открыл рот, чтобы предложить ему и его спутнику пройти в комнату, где были размещены неожиданные гости, входная дверь с шумом распахнулась и на пороге вырос сильно возбужденный Агафин:

– Очнулися, барин, эти-то, очнулися...

2

Сначала пришла боль. Круифф вздрогнул всем телом и застонал. В следующее мгновение его тело скрутила дикая судорога и стон едва не превратился в вопль, но он стиснул зубы и сумел сдержаться. А еще через мгновение боль ушла и его расслабленное тело рухнуло обратно на кровать, с которой оно было приподнято судорогой.

– Профессор, с вами все в порядке?

Круифф на мгновение замер, лихорадочно пытаясь припомнить сначала, кто он такой, а потом – под какой личиной выступает на этот раз, поскольку подсознание заботливо сохранило ощущение того, что между этими двумя его ипостасями в настоящий момент должна существовать некоторая разница. К тому же ему казалось, что с ним заговорили не на его родном языке. Айвен медленно открыл глаза.

Первое, что он увидел, было склонившееся над ним лицо молодого человека. Круифф несколько мгновений рассматривал его, потом медленно открыл рот и заговорил на том же языке, на котором к нему обратились:

– Э-э-э, прошу прощения, молодой человек, не могу припомнить вашего имени. – Он повел глазами по сторонам: – А где я нахожусь?

Молодой человек облегченно выдохнул и тут же, воровато оглянувшись, торопливо заговорил:

– Слушайте внимательно. Я – пилот посольского шаттла. Мы на Голуэе. Но не на той, которую мы знаем, а, похоже, в ее достаточно отдаленном прошлом. У них только несколько лет назад появились первые механические наземные средства передвижения. Кроме того, похоже, здесь пока еще имеется в наличии рыночный вариант экономической организации. – Он сделал паузу, давая время Круиффу вникнуть в смысл сказанного. – Мы здесь уже четыре дня. Нас подобрал в лесу один из слуг хозяина дома, причем мы были абсолютно голыми, что до сих пор приводит их в недоумение. Пока что нас считают потерпевшими крушение путешественниками, которые совершали полет на ограниченно распространенном в данное время примитивном летательном аппарате под названием аэроплан. – Он мгновение помолчал, потом добавил виноватым тоном: – Мне пока ничего более умного в голову не пришло, поэтому симулирую травматическую амнезию и стараюсь поддерживать их в этом убеждении.

В этот момент за дверью послышались шаги, пилот торопливо отпрянул от кровати Круиффа и юркнул в соседнюю постель. Айвен прикрыл глаза, оставив, правда, едва заметные щелочки, сквозь которые с некоторым трудом можно было наблюдать происходящее в комнате. Дверь стукнула, на пороге появилась худая молодая женщина с некрасивым, но приветливым лицом. В руках у нее был широкий поднос, накрытый чистой белой тряпицей.

– Уже проснулись, барин, – добродушно обратилась она к пилоту, – вот и ладно. Я уж и завтрак принесла. Сейчас поснедаете.

Женщина на мгновение задержалась на пороге, затворив ногой дверь, и неторопливо двинулась через комнату к большому круглому столу, стоящему у окна. Круифф внимательно наблюдал за ней, лихорадочно пытаясь прокачать через мозг весь массив свалившейся на него информации. Большую часть того, что с ним произошло, он вспомнил еще во время рассказа пилота, а сейчас в памяти всплыли и последние мгновения в шаттле, особенно эта невероятная черная звезда. А отсюда следовало, что абсурдные на первый взгляд предположения пилота, как минимум, имеют право на существование. К тому же Круифф, как опытный профессионал, всегда предпочитал действовать исходя из реальных данных о ситуации, а не из теоретических предпосылок вроде той, что, мол, этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Версии пилота имелось вокруг множество подтверждений. Айвен плотнее прикрыл глаза и, продолжая прислушиваться к разговору, сформулировал первые выводы: «А) ощущаемая

структура гравитационного поля, а также вид из окна позволяют предположить, что мы, скорее всего, находимся на поверхности планеты, причем планеты земного типа; Б) тактильный и зрительный анализ материала постельных принадлежностей, обивки стен, мебели, оконных рам и дверей, а также, предположительно, устройств для освещения и обогрева помещений позволяет предположить крайне низкий уровень развития технологии; В) судя по произношению и строению фраз, произнесенных вошедшей женщиной, население местности, где я нахожусь, пользуется несколько видоизмененным вариантом стандартного общепланетарного языка Голуэи, причем некоторые особенности использования местоимений и артиклей дают основание предположить, что это устаревший вариант языка. Из этого следует, что до получения дополнительной информации гипотеза о временном провале становится основной». Круифф несколько мгновений лежал неподвижно, со всех сторон рассматривая полученные выводы, потом тихонько вздохнул и открыл глаза. Женщина, хлопотавшая возле пилота, еще некоторое время не замечала, что еще один ее пациент пришел в себя, но пилот быстро отметил, что Айвен решил наконец обнародовать факт того, что он уже очнулся, и несколько театрально уставился на него, вытаращив глаза. Женщина резво обернулась и всплеснула руками:

– Ой, батюшки, еще один опамятовал, – она метнулась к нему, положила руку на лоб, взволнованно запричитала: – Говорить-то можешь, болезный?

Круифф медленно кивнул и произнес:

– Да.

– О Господи, радость-то какая, побегу барина обрадую. – И она проворно скрылась за дверь.

Дождавшись, пока утихнут шаги сиделки, пилот наклонился вперед и спросил, но уже не на голуэйском, как в первый раз, а на англике:

– Ну, что надумали, профессор?

Круифф внимательно посмотрел на пилота. Этот паренек был так же похож на обыкновенного пилота орбитального шаттла, как лягушка на крокодила. С его способностью ориентироваться в ситуации он тянул никак не меньше, чем на оперсостав. Эта его идея обратиться к нему на голуэйском... да и сентенции о «рыночном варианте экономической организации» и «ограниченно распространенном в данное время примитивном летательном аппарате», как правило, не входят в словарный запас обычного пилота. Ну да ладно, с этим позже. Пока надо постараться убедительно сыграть свою роль. Он быстро спросил:

– Что вы рассказали обо мне?

Пилот пожал плечами:

– Не особо много. – Пилот скупой улыбнулся. – Я ведь по легенде почти ничего не помню даже о себе. Я признал в вас своего спутника. Вы – какой-то ученый, в какой области – не знаю. Иностранец, даже для меня. Я – механик и начинающий пилот, аэроплан не мой, а принадлежит этому аристократу, который и является нашим основным пилотом. – Он кивнул в сторону все еще лежащего в беспмятстве майора и с усмешкой заключил: – Вот в принципе и все.

Круифф посмотрел на него с уважением. Похоже, этот парень сумел выжать максимум из сложившейся ситуации. И с майором он придумал неплохо. Вряд ли того можно было выдать за ученого, механика или кого-то подобного, а версия об эксцентричном путешествующем аристократе внушала доверие при первом же взгляде на могучее тело майора.

– Что они думают о нашей национальности?

– Не знаю. Естественно, с нашим вариантом голуэйского на местных мы не тянем. К тому же у вас немного другой акцент, и я был не уверен в вашем уровне языковой подготовки, поэтому и представил вас иностранцем и для нас тоже. – Пилот усмехнулся. – Вся проблема в том, что мы не имеем ни малейшего представления, какие еще языки существуют пока на этой планете, если существуют.

Круифф успел лишь кивнуть, потому что в коридоре слышались звуки шагов. Дверь распахнулась, и на пороге появился рослый человек лет сорока с небольшим, в домашнем халате и шлепанцах, со странным сооружением на носу и здоровым румянцем во всю щеку. Он остановился у двери и, окинув взглядом Круиффа, снова откинувшегося на подушки, сделал шаг вперед:

– Прошу прощения, господин... э-э-э...

Круифф с усталым видом прикрыл глаза и заговорил слабым голосом:

– Вы есть наш гостеприимный хозяин?

Мужина запнул и несколько озадачено кивнул:

– Да... господин Паулин Максин, потомственный дворянин, действительный совет... то есть, прошу прощения, по нынешним временам просто господин Максин. – И он резко наклонил подбородок к груди в таком странноватом, но красивом подобии поклона.

Круифф облизал губы, стараясь, чтобы это выглядело как признак крайней слабости, и заговорил снова:

– Я должен выразить вам самую горячую благодарность. Мой юный друг успел мне немного рассказать. – Он страдальчески поморщился и из-под полуопущенных век внимательно оглядел хозяина.

Тот слушал его с серьезным и взволнованным лицом. Похоже, нравы здесь довольно просты и есть все шансы на то, что какое-то время им удастся держаться своей версии. Однако пауза затягивалась, и хозяин поспешил успокоить своего беспомощного гостя:

– Ничего, ничего. Не волнуйтесь. Вам надо отдохнуть. – Он несколько суетливо повернулся к стоящей рядом сиделке: – Павлина, давай-ка на кухню, пусть хоть каши... Агафин, – он возвысил голос, – Агафин, распорядись там. – И тут же повернулся к Круиффу: – Прошу простить, но думаю, для вас сейчас покой – первое дело. – С этими словами он снова кивнул и, пятясь со всей возможной при шлепанцах деликатностью, скрылся за дверью, которую бесшумно притворил за собой.

Как только шаги в коридоре стихли, пилот соскочил со своего ложа и, подойдя к кровати Айвена, присел на постель у изголовья:

– И что теперь?

Круифф отрывисто бросил:

– Обстановка. Коротко.

Пилот заговорил так же отрывисто:

– Война. Крупная. Большинство ведущих государств. Не закончена. Революция. Правящая династия свергнута. Попытка установить республику. – Слова сыпались и сыпались не умолкая.

Когда сиделка вернулась с кашей, пилот уже опять лежал на своей кровати. Круифф послушно открывал рот и глотал мягкую разварную кашу, а голова была занята совершенно другим. Похоже, они капитально влипли. Судя по всему, их выбросило как раз в точку перелома. В тот самый момент, когда история этого мира претерпела свои самые крутые изменения, которые и привели к тому, что Голуэя стала столь яркой социоэкономической аномалией.

К вечеру Круифф умело загонял добросовестную сиделку массой мелких и по большей части абсолютно бессмысленных просьб. Так что когда к вечеру весь обширный дом успокоился и затих – а спать здесь ложились по-деревенски рано, – сиделка уже едва держалась на ногах. Когда добрая женщина, закутавшись в толстую, тяжелую шаль, устало опустилась на стоявший у стола стул, пилот приподнялся на кровати и, бросив на Айвена быстрый взгляд, заговорил глубоким, сочным голосом с едва заметными звенящими обертонами, так не похожим на его обычную речь:

– Отдохни, женщина, – пауза, – ты устала, – пауза, – приляг на кровать, – пауза, – приляг.

Женщина пошевелилась, повела вокруг невидящим взглядом, потом медленно поднялась и двинулась в сторону свободной кровати, стоящей у самой двери. Круифф мысленно прищелкнул. Похоже, парень представляет собой настоящий черный ящик. Ну кто мог ожидать, что он владеет методикой психопринуждения? Между тем женщина уже добралась до кровати и все с тем же полусонным выражением лица присела на одеяло. Пилот снова заговорил:

– Ложись, – пауза, – ложись, – пауза, – спи, – пауза – спи.

Минуты через две с кровати послышалось ровное дыхание крепко спящего человека. Пилот, бесшумно вскочив на ноги, осторожно подошел к погрузившейся в сон женщине, несколько мгновений всматривался в ее лицо, потом повернулся к Айвену.

– Ну что ж, профессор, – сказал он, коротко усмехнувшись, – давайте уж познакомимся по-настоящему. – Он подошел к приподнявшемуся на постели Круиффу и, протянув ему руку, представился: – Юрий С. Постышев, старший лейтенант. Разведывательная служба флота. Управление специального планирования. – Губы пилота снова сложились в усмешку, в голосе слышалась легкая ирония. – Ну а что занесло в наши края такую важную птицу, какой у нас всегда считали федерального агента Круиффа?

Айвен чуть не икнул от неожиданности. Так вот почему ему так не понравились реакции посла! На несколько мгновений в комнате установилась полная тишина, потом Круифф тихо спросил:

– Вы знали это с самого начала?

Юрий кивнул:

– Мы знали о вашем приезде заранее. Информация из Центрального разведуправления поступила дня за три до вашего прибытия.

– И?... – спросил Айвен.

Старший лейтенант пожал плечами:

– Мы решили вам не мешать, – он окинул американца испытующим взглядом, – так как считали, что в данном случае наши интересы совпадают. – Русский замолчал, словно давая Круиффу время, чтобы оценить свою откровенность. Потом, не удержавшись, спросил: – Не поделитесь, что на Голуэе так привлекло ваше внимание?

Круифф инстинктивно поджал губы. Неужели этот русский думает, что... Но тут вдруг сообразил, что в ситуации, в которой они оба оказались, многие правила утратили силу. Конечно, если все случившееся не было какой-то изощренной провокацией русской контрразведки. Впрочем, хотя вероятность такого поворота и не следовало исключать полностью, после всего увиденного она представлялась достаточно малой величиной. К тому же, возможно, русский прав. Вполне вероятно, что, в определенных границах, их интересы на Голуэе действительно близки. Во всяком случае, если они знали, кто он на самом деле, то вряд ли его задание представляло для них тайну за семью печатями. Круифф криво усмехнулся:

– Наше управление получило информацию о том, что на Голуэе есть «гипербомба».

– ?!

На лице русского выразилось удивление. Круифф пояснил:

– Мы называем «гипербомбой» любое устройство, которое может быть применено в военных целях, если уровень используемых в нем технологий способен нанести ущерб безопасности Американской федерации.

Юрий понимающе кивнул.

– Понятно. – Помедлив, он словно нехотя добавил: – У нас тоже появилась информация, что голуэйцы работают над генератором СВП большой мощности. – Он запнулся, в голосе зазвучало напряжение. – Очень большой, около ста гигагауб.

Круифф вздрогнул. Генераторов СВП сравнимой мощности во всей известной человечеству части Вселенной насчитывалось всего семь штук. Или восемь, если подтвердится инфор-

мация о том, что такой генератор запустили индийцы. Но даже самый крупный из них, японский, обладал пиковой мощностью только в пятьдесят два гигаглуба.

– Этого не может быть!

Пилот хмыкнул:

– Может. Наши приборы несколько раз фиксировали всплески мощностью до восьми сотен килоглуб. И, судя по форме импульса, это было всего лишь калибровкой управляющих контуров.

Круифф потерянно молчал. В комнате повисла напряженная тишина. Айвен покачал головой:

– И все-таки непонятно, как с такой примитивной технологией можно, к примеру, поднять на орбиту детали предускорителя, не говоря о прочем.

Русский ухмыльнулся:

– Они и не стали этого делать.

– Что?!

– Генератор смонтирован на поверхности планеты. – Русский с ухмылкой следил, как меняется в лице американец. – Вернее, под поверхностью, – уточнил он. – Наша лыжная база находится как раз над тоннелем разгонного блока предускорителя.

Айвен побледнел:

– Мой бог, да если они наберут даже десять процентов мощности, то разнесут всю планету.

Юрий досадливо поморщился:

– Если я не ошибаюсь, то наше появление здесь может означать, что они уже сделали это.

Они посидели молча, будто придавленные осознанием столь страшного факта. Наконец пилот деликатно кашлянул и, когда Круифф вновь повернулся к нему, заговорил:

– Ладно, похоже, все это в прошлом, вернее, в будущем, причем достаточно отдаленном. А нам надо определяться с настоящим. У вас есть какие-нибудь предложения?

Айвен упер в пилота внимательный взгляд:

– Как мне кажется, до сего момента вы прекрасно справлялись без моей помощи.

– Ай, бросьте, – произнес старший лейтенант. – Я читал ваше досье. У нас с вами несопоставимый уровень. Я всего лишь младший оперсостав, а здесь, похоже, представляется возможность переписать историю этого мира.

Эк загнул. Круифф удивленно посмотрел на собеседника. А ведь у этого молодого человека непомерные амбиции. Если бы они каким-то образом смогли вернуться в свое время, он бы посоветовал начальнику этого старшего лейтенанта отправить его на углубленную психологическую экспертизу. Впрочем, если они не ошибаются, то в их времени вокруг центрального светила этой системы стремительно распространялся чудовищный вихрь СВП-аномалии.

– Послушайте, Юрий, я бы не советовал вам увлекаться подобными идеями. Векторная теория времени Плазова – Майнца, конечно, слишком далека от конкретики, но, если отбросить всяческие бредни о параллельных временных потоках, из нее явственно следует, что глобальные узлы закреплены во времени практически намертво. Так что в данном случае у нас только один выход – попытаться свести факторы нашего влияния на события к минимально возможному уровню. Иначе генеральная воплотившаяся вероятность нас просто сомнет. – Он сделал паузу и веско заключил: – Все, что сейчас происходит на Голуэе, уже произошло, и с этим ничего поделать невозможно.

Пилот немного помолчал, словно раздумывая.

– Что ж, возможно, вы и правы. – Он хитро улыбнулся. – Хотя еще посмотрим, удастся ли вам убедить в этом майора.

Айвен удивленно покосился на лежащую на соседней кровати глыбу мышц:

– И в чем вы предвидите главную трудность?

Юрий с деланным равнодушием пожал плечами:

– Просто предки майора были почти полностью уничтожены в мясорубке наподобие той, что набирает сейчас обороты на этой планете... И я знаю его отношение к тому, что здесь творилось в *наше* время.

3

Через два дня Айвен начал вставать и ходить по комнате. Вообще-то он мог подняться с постели еще в первый день, хотя, честно говоря, чувствовал себя не очень хорошо, да к тому же, по его плану, следовало немного поиграть роль обессиленного больного. До тех пор, пока они не почувствуют себя готовыми покинуть своего гостеприимного хозяина и затеряться на просторах этой обширной страны.

Пока все шло хорошо. Со своими родными странами они более или менее определились. У их хозяина была очень неплохая домашняя библиотека, и пилот, умница, как только очнулся и немного разобрался в обстановке, тут же выпросил разрешение в ней покопаться. Так что с этим проблем не было. Имена себе подобрали тоже, клинику постшоковой амнезии Айвен знал достаточно хорошо, чтобы попытаться поводить за нос местную современную медицину с некоторыми надеждами на успех. Самая большая сложность была с «родным» языком. Оставалось надеяться, что в эти смутные военные времена им удастся достаточно долго избегать встречи со своими мнимыми соотечественниками. Впрочем, на этом опасности не заканчивались. Из той скудной информации, которой они обладали, можно было сделать вывод, что их хозяин принадлежит к сословию потомственной аристократии. А на данном уровне развития цивилизации аристократы, как правило, были людьми достаточно образованными, и в их среде знание одного, а чаще даже нескольких иностранных языков являлось скорее закономерностью, чем исключением. Так что Круифф решил пока особо не форсировать события и попытаться потянуть время хотя бы до того момента, пока не очнется майор. Айвен, вслед за пилотом, с легкостью получил доступ к библиотеке хозяина дома и за пару вечеров с помощью словарей набрал достаточный словарный запас «родного» языка. Что-то около пяти-шести тысяч слов. Вся беда была в том, что Айвен не имел ни малейшего представления ни как звучат эти слова, ни каковы особенности грамматики и строения предложений. Не меньшие трудности были и с профессией. Из специальной литературы в библиотеке хозяина основное место было отведено трудам по финансовому и банковскому делу, в которых Круифф, будучи неплохим специалистом по этому вопросу, разобрался довольно быстро. Но выдать себя за финансиста не представлялось никакой возможности. Ведь знакомство с основами финансового и банковского дела да зачатками экономической науки – это одно, а практика – совсем другое. В любой области деятельности люди вырабатывают определенные навыки взаимоотношений, свой специфический жаргон и иные вещи, облегчающие им взаимопонимание. А поскольку, как Айвен уже успел выяснить, их гостеприимный хозяин являлся одной из крупных финансовых фигур этой страны, шансов на то, что ему удастся хоть сколько-нибудь убедительно выдать себя за специалиста в этой области, у него не было. То же произошло и с другими, более или менее подходящими областями деятельности. Иные были пока недоступны по схожим причинам, другие просто еще не существовали, как, например, прикладная электроника. С той же проблемой столкнулся и Юрий. Несмотря на все его фундаментальные для данного уровня развития науки знания по аэродинамике, метеорологии и динамике газовых сред, отсутствие малейшего представления о конструкции и порядке работы примитивных механических двигателей портило всю обедню. А его боевые навыки, так же как и познания в криптографии и иных сугубо специфических дисциплинах, скорее могли внушить подозрение. Но главное было не в этом. Основная проблема заключалась в майоре. Пилот пришел в себя спустя сутки после того, как их обнаружили и привезли в этот дом. Айвену понадобилось еще около трех суток. Майор же до сих пор не очнулся. А это означало, что в случае каких-либо неприятных неожиданностей они полностью лишены свободы маневра. Для того чтобы просто сдвинуть майора с места, требовалось, как минимум, двое крепких мужиков. Не говоря уж о том, чтобы

попытаться его куда-либо транспортировать. К тому же подобное несоответствие размеров и массы тела неизбежно привлекло бы излишнее внимание. Сиделка и та все время охала:

– Нет, ну дюже тяжел. Это какая ж баба его выдюжит?

К концу недели, имевшей здесь продолжительность, к удивлению Айвена, как и на Земле, семь дней, в усадьбу начали съезжаться гости. Некоторые из них были пилоту уже знакомы, поскольку присутствовали в доме как раз в тот день, когда Юрий очнулся, и, кроме того, за время, прошедшее после, пилот успел раздобыть массу полезной информации о гостях и домочадцах хозяина. Для человека, обладающего навыками ситуативного допроса, получить необходимую информацию, как правило, не составляет особого труда. Проблемы могут возникнуть только в том случае, если собеседник просто молчит. Но дворовые, конюхи, кузнецы и иная прислуга в разговор вступали охотно. А общие темы во все времена очень похожи. И потому после пары дежурных фраз о том, что «время ноне смутное, тяжкое» либо «молодежь таперя совсем от рук отбилася», разговор шел по накатанной колее. За несколько дней они успели собрать приличное досье на большую часть тех, кто должен был здесь появиться. А появиться должны были многие, поскольку семья их гостеприимного хозяина в ближайшие выходные должна была возвратиться после отдыха на водах.

Вечером последнего рабочего дня недели, когда в распахнутые ворота усадьбы, замыкавшие длинную, протяженностью около трехсот ярдов, аллею, обсаженную могучими деревьями с аккуратно подстриженными, шарообразными кронами, показались гордые профили ухоженных лошадок первой упряжки, Айвен и Юрий сидели, уютно пристроившись у небольшого оконца на узкой лестнице, ведущей на чердак.

Гости съезжались косяками. Юрий называл тех, кого он успел запомнить с прошлого раза, или высказывал предположение о том, кто это может быть из тех, о ком он разузнал от прислуги. А Айвен, слушая вполуха, пытался хотя бы в общих чертах смоделировать варианты развития сегодняшнего вечера. Во всяком случае, по его прикидкам, существовала очень большая вероятность того, что он в ближайшее время подвергнется дотошным расспросам, мягко завуалированным под светскую болтовню за теплым, дружеским ужином. Однако вопреки его ожиданиям вечер и ночь прошли спокойно.

Утром, часа через полтора после завтрака, их вновь соизволил посетить лично хозяин дома. Он появился на пороге в сопровождении дородного мужчины, на лице которого играла добродушная улыбка, судя по строению лицевых мышц, пребывавшая там почти постоянно.

– Доброе утро, господа, позвольте представить вам господина Пантюше, профессора медицины, известного хирурга и моего доброго знакомого.

Круифф и пилот, коротавшие время на своих кроватях, обложившись подшивками популярных журналов и газет за последний год, изобразили нечто вроде сидячего поклона, причем в соответствии с избранными ролями у Юрия поклон вышел несколько заискивающим, а Айвен и в столь неудобной позе ухитрился изобразить что-то вроде благосклонного приветствия собрата-ученого. Профессор не стал тратить время зря и тут же взял быка за рога:

– Нуте-с, батеньки мои, уж позвольте мне немного вас потревожить.

Осмотр был достаточно тщательным, но, с точки зрения землян, привыкших к несколько иным процедурам медицинского контроля, не более чем поверхностным. К тому же Круифф умудрился изобразить замедленную реакцию зрачка, а пилот проделал то же самое с коленным рефлексом, так что к концу осмотра профессор выглядел немного озабоченным. Впрочем, ненадолго. Когда, сложив свои примитивные инструменты в громоздкую кожаную сумку, он откинулся на спинку стула, его лицо снова приобрело прежнее добродушное выражение.

– Ну что ж, неплохо, очень неплохо. Конечно, реакции пока еще несколько замедленны... Впрочем, чего-либо такого и стоило ожидать, но... – он внимательно посмотрел на Айвена, – вы по-прежнему ничего не помните?

Круифф явственно почувствовал запах жареного. Пожалуй, он несколько недооценил возможности местной медицины. Похоже, профессор применил к нему какой-то из местных тестов, и он где-то прокололся.

– Крайне смутно, профессор. Кое-что начинает проявляться, но я скорее назвал бы это... видениями, а не воспоминаниями.

– М-гм, ну-ну, очень может быть. – Профессор выглядел несколько озадаченным, и Круифф укрепился в своих подозрениях. Однако мгновение спустя добродушное лицо посетителя озарила привычная улыбка, и он повернулся к хозяину дома: – Паулин, твои гости выглядят явно окрепшими, так что я, пожалуй, пойду, отдам должное запеканке. – И он, в обычном здесь стиле, поклонившись присутствующим, быстрыми шагами вышел из комнаты.

Хозяин проводил его несколько недоуменным взглядом, а потом повернулся к Айвену:

– Еще раз прошу простить за беспокойство, но вчера вечером возвратились с вод мои домашние, и по сему поводу у нас в доме, как вы уже, наверное, заметили, собралось довольно большое общество. Так что я собирался просить вас сегодня, если, конечно, господин Пантюше не сочтет это угрозой вашему здоровью и душевному равновесию, непременно с нами отобедать.

Круифф благодарно поклонился в местной манере. Он был готов к подобному повороту событий еще с вечера.

– Покорно благодарю. Я с удовольствием принял бы ваше предложение, но мой костюм...

– О, какие пустяки, – хозяин дома всплеснул руками, – мы с вами почти одного телосложения, а у меня есть несколько запасных костюмов. Практически новых, ненадеванных. Так что, ежели вы не побрезгуете, я пришлю сиделку с одним, чтобы она вам его подогнала. – Он выжидательно посмотрел на Круиффа и, получив его благосклонный кивок, торопливо добавил: – Конечно, вас больше устроило бы что-нибудь из ателье, но я не был уверен, что вам уже можно...

– Ну что вы, что вы. Мне очень приятно.

Обмен любезностями продлился еще не менее двух минут, после чего господин Максин наконец откланялся.

Как только за хозяином закрылась дверь, Круифф повернулся к пилоту. Тот еще какое-то мгновение сидел на кровати с закрытыми глазами, потом рывком вскочил на ноги:

– Хозяин зовет нашу сиделку. Больше ни души ближе сорока шагов.

Круифф кивнул:

– Ну и что ты об этом думаешь?

Пилот покачал головой:

– Похоже, мы их недооценили.

– И что теперь?

Юрий улыбнулся:

– Великий Круифф у нас ты.

Айвену было не до шуток.

– Послушайте, молодой человек, последние двадцать лет я был всего лишь жалким кабинетным червем, а сейчас нам требуются способности хорошего полевого агента.

Пилот на мгновение задумался, на его лице продолжала играть улыбка.

– Возможно, вы правы, сэр, но все дело в том, что, что бы я ни придумал, первую скрипку придется играть именно тебе. Поскольку за обеденным столом со всеми этими господами будешь сидеть именно ты. – Он замолчал, прислушиваясь. – У нас больше нет времени. Сюда идет сиделка.

Процесс подгонки костюма неожиданно оказался чрезвычайно трудоемким и, с небольшими перерывами, занял все оставшееся до обеда время.

Наконец Круифф, с которого за это время сошло семь потов, одернул странный кургузый пиджак, сшитый из нескольких слоев различных растительных волокон и, по его мнению, сидевший на нем как на корове седло, примял подбородком стоячий воротник, перетянутый тонким шнурком галстука, нервно оправил толстые мнущиеся брюки и раздраженно покосился на стоящую рядом сиделку. Та, заметив его взгляд,ostroила довольную мину и, всплеснув руками, зачастила:

– Нет, ну прямо красавчик писанный, – и принялась оглаживать полы пиджака и расправлять воротник.

Круифф раздраженно фыркнул, собираясь сказать что-то резкое, однако сдержался и, бросив на флегматично развалившегося на кровати пилота напряженный взгляд, еще раз подвигал плечами, пытаясь свыкнуться с непривычными ощущениями, и направился к двери.

Обед был накрыт на первом этаже, в просторном зале с эркером, в большие окна которого меж толстых рам било не по-осеннему яркое солнце. Все, по-видимому, уже собрались, ждали только его.

Спасибо хозяину дома – ритуал представления оказался неожиданно кратким и необременительным. Господин Максин наскоро представил его своей супруге и старшей дочери – юной симпатичной особе, тут же уставившейся на Круиффа любопытными глазами, а потом вывел его к середине зала и громко объявил:

– Господа, это профессор Кройф. О необычных обстоятельствах его появления в моем доме вы все изрядно наслышаны. Прошу простить, но профессор еще не совсем здоров, и потому я не смею излишне утомлять его представлением всех присутствующих. – Он сделал паузу и радушно закончил: – А сейчас – прошу к столу.

Круиффа усадили между хозяйкой и юной леди, которой просто не сиделось на месте от любопытства, так что она с трудом дотерпела до первой перемены. Стоило слуге лишь на мгновение заслонить девицу от бдительного ока маменьки, как она наклонилась к Круиффу и зашептала:

– Скажите, профессор, а вам было страшно лететь на аэроплане?

Айвен чуть не поперхнулся. За те пятнадцать минут, что он провел за выглядевшим так невинно обеденным столом, он уже весь взмок от напряжения – ему и в голову не могло прийти, сколько испытаний поджидало его здесь. На свое счастье, он за свои сорок два года службы успел побывать на приемах в доброй сотне различных особняков, посольств и дворцов, а потому довольно быстро освоился с несколько непривычными столовыми приборами (странная закорючка на спице, поначалу поставившая его в тупик, оказалась ножом для разделки рыбы, а узкий витой хрустальный рожок на ножке был вовсе не предназначен для того, чтобы из него пить, а являлся чем-то вроде личного настольного ароматизатора). Однако, когда Айвен повернул лицо к девушке, на его лице играла легкая светская улыбка.

– Нет, эсс, – тут он склонился к ее изящному ушку, – вернее, я никому не признаюсь в этом.

Девушка прыснула в кулачок, но, поймав укоризненный взгляд матери, посерьезнела и склонилась к тарелке. Однако выдержала она недолго:

– А куда вы летели?

– Извините, эсс, это секрет.

Девушка разочарованно поджала губки, но своих попыток не оставила. Как оказалось, это было только разминкой. Спустя час, когда подали десерт, разговор за столом сделался общим. И Круифф, на которого один за другим посыпались вопросы, почувствовал себя как угорь на сковородке. Но самое серьезное началось немного позже, когда дамы покинули обеденный зал.

Сначала ничто не предвещало грозы. После ухода женщин слуги внесли маринованную баранину и салатницы с монсоксским салатом, который из-за обилия чеснока считался чисто мужским блюдом и, кроме того, хорошей закуской. Поэтому следом на столе появились и

запотевшие бутылки с прозрачной жидкостью, явно имевшей своей основой продукт глубокой перегонки, а мужчины пересели поближе друг к другу. После каждой рюмки разговор становился заметно громче, так что, когда этот военный задал свой вопрос, Круифф не сразу понял, что он обращается именно к нему. Но над столом тут же повисла полная тишина. И новый вопрос прозвучал неестественно громко:

– Не правда ли, господа, амнезия господина профессора имеет чрезвычайно избирательный характер?

На взгляд Круиффа, это могло быть принято и за комплимент. Поскольку подразумевалось, что его сверстанные на живую нитку манеры приняты обществом и у окружающих, во всяком случае у большинства, остался только один невыясненный вопрос. И все же на выпад следовало как-то отреагировать.

Айвен медленно опустил руки на стол и, разогнув пальцы, выпустил нож и вилку. Потом вытащил салфетку из-под тесного воротника узкой, жесткой, словно панцирь, рубашки, которая, ко всему прочему, в отличие от тех, к которым он привык, совершенно безобразно аккумуляровала весь пот, выступающий на теле, и распространяла его по еще вроде бы сухим местам, и старательно вытер губы. Небрежно бросив салфетку на стол, Айвен поднял глаза на задавшего вопрос:

– Прошу прощения, господин...

– Барон Эксгольм, полковник Генерального штаба, к вашим услугам.

– Благодарю вас. Значит, вы подозреваете, что я, специально, по каким-то одному мне известным причинам, симулирую потерю памяти? – Произнеся последнее слово, Круифф резко вскинул глаза и упер в саркастически улыбающегося полковника свои сузившиеся зрачки.

Навыки психопрессинга, как, впрочем, и защиты от него, слушатели академии Бюро стратегической информации должны были усвоить еще к концу первого семестра. А последующая служба предоставила массу возможностей для их шлифовки. Улыбка сползла с лица полковника, как банановая кожура. Его губы беззвучно шевелились, словно пытаясь что-то сказать, кадык судорожно дергался. Айвен отвел глаза. В комнате воцарилась напряженная тишина. С легкой улыбкой Айвен обвел присутствующих лукавым взглядом:

– В таком случае я должен сказать вам следующее – вы... правы.

Над столом пронесся изумленный вздох. Щеки полковника залило лихорадочным румянцем. Подавшись вперед, он хрипло проговорил:

– И как вы это объясните?

Круифф, откинувшись на спинку стула, отрицательно покачал головой:

– Да никак. Этого я делать не собираюсь.

– Делать чего?

– Объяснять.

Барон Эксгольм, усилием воли взяв себя в руки, саркастически улыбнулся:

– Ну, это зря. Возможно, вы забыли, что идет война и...

Круифф не дал ему договорить. С коротким смешком он махнул рукой:

– Бросьте, полковник. Не стоит меня пугать. Не думаю, чтобы вы так плохо разбирались в людях, чтобы не понять – со мной это не пройдет. – Он посмотрел долгим взглядом на барона. – Я вовсе не собирался вас раздражать своим... упрямством. Просто я *не могу* ничего рассказать.

– Вам мешает присяга?

– Нет. Слово честного человека. О присяге скорее уместно говорить моему спутнику, но... я не вправе говорить за него. Вам придется подождать, пока он очнется.

Полковник с сомнением покачал головой и, стараясь не встречаться взглядом с Круиффом, пробормотал:

– В таком случае бьюсь об заклад, что вам довольно скоро придется давать объяснения во Втором департаменте Генерального штаба.

За столом снова воцарилось молчание. Его нарушил Круифф, негромко спросив:

– Правильно ли я понял из ваших слов, что и вы, полковник, имеете отношение к Генеральному штабу?

Тот молча кивнул. Круифф, не говоря больше ни слова, скользнул взглядом по напряженным лицам сидевших за столом. Решив наконец, что обстановка созрела, он проговорил, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно и убедительно:

– Господа, поскольку успешный исход той, смею заверить, чрезвычайно важной миссии, в которой я имею честь принимать участие, в настоящий момент оказался под угрозой, и именно из-за особо секретного ее характера, могу ли я обратиться к вам с предложением?

Ответом ему было молчание, которое явно можно было рассматривать как знак согласия.

– Я бы хотел предложить вам выбрать из своей среды достойное лицо, которому я мог бы предоставить доказательства абсолютной лояльности нашей миссии по отношению к вашей стране.

– А почему не всем? – скептически проворчал полковник.

Айвен непреклонно покачал головой:

– Нет. Миссия должна оставаться максимально секретной.

Некоторое время все молчали, раздумывая, потом заговорил хозяин дома:

– Поскольку, господин профессор, вы сами предложили это, мы готовы подчиниться вашему выбору.

Круифф ответил универсальным полупоклоном, что, как показала реакция присутствующих, считалось здесь вещь совершенно естественной.

– Ну что ж, раз уж этот разговор начал барон Эксгольм и, как я считаю, его невозможно заподозрить в излишней ко мне доверчивости, пусть это будет он.

Судя по живой, хотя и сдержанной, реакции присутствующих, это был правильный ход. Однако справиться со скептицизмом полковника, помноженным к тому же на уязвленное самолюбие, было не так-то просто.

– И какие же доказательства вы можете представить? Ведь, насколько я наслышан, вас со товарищи нашли в лесу абсолютно голыми и без единого клочка бумаги.

Айвен многозначительно улыбнулся:

– Как мне кажется, это уже только мои проблемы. Главное, чтобы вы сочли эти доказательства достаточно убедительными.

Господин Максин тут же воспользовался моментом, чтобы разрядить напряженную обстановку:

– Действительно, господа, давайте пока отложим эту тему. Я предлагаю перейти в курительную.

Когда все поднялись из-за стола, полковник оказался рядом с Круиффом:

– Ну, и когда же вы собираетесь представить мне эти доказательства?

Круифф повел глазами по сторонам и, убедившись, что, несмотря на всеобщий интерес к ним обоим, рядом нет никого, кто мог бы расслышать их разговор, сказал:

– Немедленно, если вы согласитесь подняться в мою комнату.

Способностям пилота в области психопринуждения он доверял больше, чем своим собственным.

4

Двигатель кашлянул, выплюнул мутную, сизую струйку дыма и зарокотал на малых оборотах, сотрясая машину мелкой дрожью. Пилот еще несколько мгновений вслушивался, потом разогнулся и уже привычным движением вытер руки изрядно замасленной ветошью. Похоже, этот вонючий, неуклюжий и нелепый механизм под названием двигатель внутреннего сгорания наконец-то ему покорился. За спиной послышался голос старшего механика:

– Завел, значит...

Юрий повернулся и, мгновенно натянув на лицо выражение искренней радости с оттенком подобострастия, бодро ответил:

– А как же, Прон Акиевич. Я ж обещал.

Старший механик обошел машину кругом и заглянул под задранный капот с другой стороны:

– А это что?

Пилот смущенно потупился:

– Да это так, придумка одна, чтоб искра ровнее была.

Старший механик куснул ус и задумчиво покачал головой:

– Ну-ну, посмотрим на твою придумку, – после чего повернулся и величественно проследовал в свою каморку, притулившуюся к стене в дальнем конце гаража.

Юрий проводил его взглядом, стер с лица подобострастную улыбочку и, сунув ветошь в наколенный карман своего засаленного комбинезона, снова нырнул под левый капот старого авто.

Они с американцем покинули поместье господина Максина три месяца назад. На следующий день после званого обеда. В тот знаменательный вечер он провел лишь самую поверхностную обработку полковника Эксгольма, поскольку резкое изменение его позиции от полного неприятия до абсолютного доверия выглядело бы слишком подозрительно. Поэтому после краткой беседы, основным достоинством которой было не содержание, а сочетание инфразвуковых ритмов, полковник вызвался прислать за ними на следующий день авто, чтобы отправиться туда, где они смогут представить достаточно убедительные доказательства.

Все прошло по плану. От получасового разговора в отдельном кабинете роскошного ресторана у полковника осталось только ощущение того, что предъявленные доказательства связаны с тайнами короны, да еще смущение от собственной забывчивости, явившейся, очевидно, следствием глубокого впечатления, произведенного тем, что ему было предъявлено.

Барон Эксгольм оказался ценным приобретением. Он был выходцем из небольшой, но довольно сплоченной общины северных приморцев, из-за своей малочисленности уже давно тесно связанных родственными узами. Большинство представителей этой общины, несмотря на иноземные корни, служили престолу суверена уже на протяжении многих поколений, а потому барон имел весьма обширные связи во всех сферах общества. Благодаря этим связям им обоим удалось почти мгновенно найти работу. Юрия устроили шофером в гараж штаба военного округа, а Круиффу, как представителю науки, была предложена должность консультанта при городской телефонной компании. Это назначение открывало чрезвычайно широкие возможности и при надлежащем их использовании могло помочь им не только быстро и естественно вписаться в здешнее общество, но и занять в нем достойное место. Однако американец был больше занят подготовкой надежного пути ухода за границу. Поскольку состояние дел здесь приобретало все более зловещий оборот. Заводы стояли, рынки пустели, железнодорожный транспорт ходил с перебоями. Полицейского можно было отыскать только на нескольких центральных улицах, да и то с большим трудом. На рабочих, да и на мещанских, окраинах появились группы вооруженных людей, называвших себя «народными патрулями» и подчи-

нявшихся, впрочем зачастую чисто номинально, так называемым Комитетам действия. Военные патрули пока еще появлялись время от времени на центральных вокзалах, но на дезертиров уже никто не обращал внимания. Резервные части, стоявшие лагерями верстах в десяти от города, постоянно митинговали, то поддерживая, то отвергая своих командиров. Зато появилось дикое количество неизвестно кем издававшихся газет, бульварных листков и прокламаций. Деньги стремительно обесценивались, и крестьяне, пока что еще появлявшиеся на рынках, все чаще не соглашались брать деньги за товары, а настаивали на обмене. Эта страна неукротимо катилась в пропасть. Но... они были прикованы к ней. Пока не очнется майор.

В этот вечер Юри (он взял себе этот созвучный своему настоящему имени псевдоним, так как среди людей избранной им национальности его новое имя изредка встречалось) поддержался на работе. Сегодня у него было приподнятое настроение, поскольку, после двухнедельных усилий, ему удалось-таки вдохнуть жизнь в старенький «ролкс», а это означало, что он начал потихоньку осваиваться со здешними примитивными средствами передвижения. Иной раз дивясь тому, как можно было усложнить такие простые вещи.

Когда он, кивнув сторожу, престарелому отставному солдату-инвалиду, вышел за ворота, солнце уже давно село и на небе зажглись столь знакомые по прежней жизни созвездия. Он постоял, с наслаждением вдыхая свежий морозный воздух, после гаражной вони казавшийся сладким, отыскал небольшую туманность у северной оконечности созвездия Львиный Коготь, за которой находилась Земля, а потом не торопясь двинулся вверх по переулку. В это время вагоны конки уже не ходили, и он решил срезать путь.

Юрий успел отойти от ворот гаража шагов на триста, когда навстречу ему из-за угла покосившегося забора, нещадно скрипя сапогами, появились четверо сутулых мужиков. У двоих торчали из-за плеча короткие кавалерийские штуцеры. Старший, грузный бородатый мужик в грубой солдатской шинели и грязной хлопковой папахе, резко затормозил и, положив руку на болтающуюся на брюхе кобуру, нагло уставился на Юрия:

– Эй, ты кто такой?

Судя по тону, он был настроен довольно воинственно. И причина этого настроения явственно ощущалась уже с расстояния пяти шагов. Юрий поморщился, ему сейчас совершенно не хотелось влипнуть в какие-нибудь неприятности. Поэтому он остановился и демонстративно выставил вперед раскрытые ладони:

– Прошу прощения, я простой механик из гаража штаба округа. Позвольте мне пройти, господа.

Он уже достаточно усвоил местный диалект, чтобы не опасаться, что его примут за иностранца.

– А-а-а, – старший осклабился, – офицерье возишь, шкура. – Он бросил взгляд на остальных, сгрудившихся за его спиной, и снова повернулся к Юрию.

Тот спокойно смотрел на них. С его уровнем подготовки четверо неуклюжих мужиков не представляли для него никакой опасности.

– Ну, че молчишь, офицерьев прихвостень?

– А разве ты о чем-то спросил? – Юрий неожиданно почувствовал, как в нем поднимается злость. – Мне показалось, что тебе просто захотелось побрехать, как заскучавшему псу.

Старший вытаращил глаза. Он никак не ожидал от этого сухощавого молодого парня подобной наглости. В его неповоротливом мозгу мелькнула смутная мысль, что этот странный тип, бог знает почему, может быть опасен. Иначе с чего этот плюгавик не боится четверых вооруженных мужчин. Но тут ему подумалось, что, может быть, этот парень просто не заметил у них оружия. Нарочитым жестом старший передвинул висевшую на поясе кобуру. Они постояли еще минуту, молча пялясь друг на друга, и за это время винные пары окончательно унесли все опасения из головы старшего. А когда до него дошло, что его авторитету в глазах подчиненных нанесен существенный урон, его охватило бешенство. Вся эта игра мыслей так

ясно читалась на его лице, заросшем недельной щетиной, что Юрий не выдержал и рассмеялся. И этот смех окончательно вывел старшего из себя.

– А ну к стене! На колени! – Старший выхватил барабанник и попытался ударить этого наглеца тяжелой рукоятью по голове, но тот необъяснимым образом вдруг переместился вбок и после неуклюжего удара старшего, пришедшегося в пустоту, оказался у него за спиной. Мужик завертелся, пытаясь обнаружить внезапно исчезнувшего противника. – Эй, ребята, а ну покажите ему, что значит спорить с «народным патрулем»!

Ребята начали суетливо приводить себя в боевую готовность. Двое заклацали затворами штуцеров, а третий, которому, видимо, просто не хватило огнестрельного оружия, выхватил из-под полы заношенного суконного пальтишка полуметровую дубинку со вбитыми в толстый конец гвоздями и неуклюже ею замахнулся. Юрий почувствовал, что кровь в его жилах стремительно ускоряет бег, и мягким движением скользнул к нему.

Схватка напоминала одновременно балет и избиение. В этом мире вряд ли существовали школы, где можно было бы обучиться хотя бы начаткам тактики схватки с несколькими противниками, а составляющие того, что впоследствии станет несокрушимым искусством рукопашного боя, были размазаны по многочисленным национальным видам борьбы или оставались случайными находками любителей уличных драк.

Через две минуты все было кончено. Юрий еще несколько мгновений молча постоял, потом тряхнул головой, будто прогоняя наваждение, тяжело вздохнул и склонился над лежащими телами. У старшего была сломана шея, у двоих проломлены виски, а того, что с дубиной, он прикончил прямым ударом, вогнав ему в мозг носовую кость. Юрий вздохнул. Черт, по-видимому, этот скачок во времени оказался для него не таким безобидным, как он раньше считал. Как быстро он потерял контроль над собой!

Когда он вошел в подъезд доходного дома, в котором они с Круиффом снимали две меблированные комнаты по соседству, старенькие, поцарапанные ходики в глубине привратничьей показывали уже половину первого. Старичок привратник привычно дремал у своего окошка, не проснувшись даже от резко клацнувшего замка входной двери.

Круифф его ждал. Как только Юрий открыл скрипучую дверь своей комнаты, соседняя распахнулась, и американец, одетый, согласно местным традициям, в халат и кальсоны, возник на пороге. Проводив взглядом объемистый сверток, который его сосед заволок в комнату, Айвен быстро бросил взгляд в один конец коридора, потом в другой и молча вошел вслед за русским в его жилище:

– Что это?

Юрий, не говоря ни слова, скинул поношенный полушубок, купленный на местной барахолке по сходной цене, и, взяв кусок местного мыла, изрядно пахнущего щелочью и козлиным жиром, двинулся в сторону общего туалета, находящегося в конце коридора, бросив на ходу:

– Посмотри сам.

Когда он вернулся, американец сидел на единственном в комнатке колченогом стуле и попыхивал местной дешевой сигареткой, а перед ним на столе лежал разобранный револьвер местного производства. Здесь его называли барабанник.

Юрий молча переоделся, зажег чадающую керосиновую плитку и, вытащив из-за форточки кастрюльку с превратившимся в лед вчерашним постным супчиком, поставил ее на огонь.

– Откуда это? – спросил Айвен.

Юрий поморщился:

– Так получилось. Потерял контроль.

Круифф понимающе кивнул. Они помолчали, потом вдруг Юрий с неожиданным жаром заговорил:

– Понимаешь, не могу видеть, что они вытворяют со своей страной. Люди будто посходили с ума или потеряли инстинкт самосохранения. Ты же знаешь, в нашей истории тоже было что-то подобное, хотя я всегда считал, что у нас все происходило гораздо... пристойнее, что ли. Во всяком случае, со стороны тех, кто делал революцию. К тому же это было так давно, что... Знаешь, это был один из самых тяжелых и противоречивых периодов нашей истории. С одной стороны, мы стали в то время одним из двух самых сильных государств планеты, а с другой... ежедневно убивали тысячи своих людей, причем большинство ни за что, просто чтобы поддерживать в остальных нужный накал чувств.

Круифф покачал головой:

– Моя страна на своем пути тоже прошла множество тяжелых моментов, но мы не имеем привычки так остро реагировать на столь отдаленные во времени события.

Юрий криво усмехнулся:

– Ну, большинство из нас тоже. Интерес к тем событиям, как правило, захлестывает империю волнами. Это происходит, особенно когда приближается какая-нибудь круглая дата. Возможно, я реагирую на все происходящее столь остро, потому что во время последней такой волны рядом со мной оказался майор. А для него то время вообще как будто совсем рядом. Он, благодаря семейным преданиям, можно сказать, живет в нем. Знаешь, жаль, что он еще в коме... Он отдавал той эпохе каждую свободную минуту. Мне всегда казалось, что он просто фанатически предан тому времени... фанатичнее даже, чем его семья. – Юрий вздохнул, на короткое время в комнате установилась тишина. – А сейчас мне кажется, что я его понимаю.

– Но ведь это не ваша империя и даже не Земля? – сказал Айвен.

Юрий молчал. Американец передернул плечами:

– Что ты узнал?

– Сегодня еще в двух частях, Центральном авиаотряде и Второй самокатной роте, на общей сходке отстранены командиры и созданы Комитеты действия. А это, с учетом того, что Второй маршевый полк, под охраной которого находятся склады боеприпасов и снаряжения округа, сформировал собственный Комитет действия еще в начале недели, означает, что, если в городе начнутся беспорядки, у штаба округа уже не будет не то что достаточных, а вообще никаких войск для их подавления. Счет времени пошел уже на дни.

Круифф молча собрал барабанник, бросил его к остальному оружию и заговорил, спокойно и жестко:

– Сегодня пришло сообщение из северной столицы. Правительство князя Эйгена низложено, власть перешла к «Национально-патриотическому единению». Всем местным органам «старого режима», – он выделил голосом эти два слова, – предложено сложить с себя полномочия и передать их местным Комитетам действия.

Юрий вскинул голову:

– Ха! Началось.

Айвен молча кивнул:

– Я думал, что у нас будет больше времени, но... Мы должны как можно скорее покинуть эту страну.

Юрий смотрел перед собой отсутствующим взглядом. Круифф внутренне поморщился – он не любил, когда на лице его собеседника появлялось такое выражение, но время поджимало, а потому он перешел к делу:

– На тебе лежит обеспечение финансовой базы наших дальнейших действий. – Он выжидательно посмотрел на своего более молодого собеседника.

Юрий сидел, задумчиво глядя в темное окошко, расписанное морозными узорами.

– А знаешь, я ведь родился на Луковом Камне, – заговорил он словно в забытии, – и впервые увидел настоящую зиму только на Земле, когда учился в академии, в Екатеринбурге. Наша

полевая база располагалась под Якутском. Несколько бревенчатых изб-пятистенков и такие же маленькие окошки с деревянными рамами... – Юрий замолчал.

Айвен досадливо нахмурился. Ох уж эти русские. Сейчас, когда они попали в жестокий цейтнот и времени до того, как все вокруг превратится в хаос, остается все меньше и меньше, его, видите ли, потянуло на лирику.

– Хорошо. Я понял, – сказал, встряхнувшись, Юрий. – Что я должен сделать?

Круифф вытащил руки из карманов халата и разложил на столе сложенный лист карты, пачку ассигнаций и схему, начерченную на листке папиросной бумаги:

– Если наши brave революционеры не успеют ничего порушить, то через четыре дня из столицы выйдет специальный курьерский поезд. Кроме всего прочего, в нем будет специальный вагон Государственного банка. Плановая перевозка наличности в местное отделение. Он должен привезти почти полтора миллиона ассигнациями и двести сорок две тысячи золотом и валютой. Ты должен осуществить акцию по изъятию.

Юрий усмехнулся:

– Я знаю, что подобные акции, выполняемые в интересах успеха миссии, не противоречат этике ни нашей, ни вашей спецслужбы, но ты ничего не ощущаешь, собираясь грабить *для себя*?

Американец зло зыркнул на него:

– Может, хватит?

Русский убрал с лица ехидную улыбку:

– Извини. Я действительно принимаю все слишком эмоционально.

Круифф молча кивнул, принимая извинение, и принялся объяснять дальше:

– Поезд сопровождает рота гвардейцев-ветеранов. Кроме того, в самом вагоне будет находиться охранная команда из десяти вооруженных курьеров. Так что задача совсем не проста. Вот схема вагона и стандартное расположение постов, а это карта дороги с указанием наиболее предпочтительных мест контакта.

Юрий кивнул:

– Да, майор бы нам здесь очень пригодился. И что потом?

– На акцию у тебя должно уйти не больше недели. Я за это время переправлю майора в город и подготовлю маршрут отхода на север. Первую часть пути одолеем на поезде. У меня, как видишь, уже есть некоторые завязки в Департаменте военных перевозок, так что нас отправят военным эшелоном. – Круифф устало улыбнулся. – То есть это скорее будет гражданский поезд из пяти-шести купейных вагонов под охраной двух рот ветеранов. Как оказалось, достаточно много влиятельных людей до последнего не верили в серьезность происходящего.

– А почему на север?

– Во-первых, очень скоро на юг и запад хлынет целая толпа беженцев. Во-вторых, по моим сведениям, многие города на этих направлениях уже находятся под властью Комитетов действия и, учитывая состав пассажиров нашего поезда, мы вряд ли сможем там уехать далеко. К тому же есть некоторые наметки на то, что к моменту нашего прибытия в один из северных портов – а поезд направляется в Северогорск – там уже будет высажен коломбский или бриттский экспедиционный корпус. Они проявляют самый живой интерес к северному углю и разведанным запасам меди. Но даже если нет, то с учетом того, что майор может так и не очнуться к тому времени, возможностей уйти за границу через северные порты, по моим расчетам, намного больше, чем через западную или южную границу.

Юрий с усмешкой заметил:

– А ты знаешь, акцент у нас с тобой практически исчез. В случае чего вполне можем сойти за местных. – Увидев, что американец снова раздраженно хмурится, он поспешно добавил: – Хорошо, завтра отпрошусь у старшего механика.

– А отпустит? Было бы неплохо, если бы у нас до последнего момента сохранялся свободный доступ к универсальным средствам передвижения.

Юрий фыркнул:

– Ну, даже если они поставят на охрану роту солдат, я все равно смогу угнать авто в любой момент. К тому же я там выступаю в роли уроженца одной из деревень неподалеку. Так что просто скажу, будто мне нужно срочно проведать прихворнувшую тетку, а Прон Акиевич сильно равнодушен к салцу, окорочку, чесночной колбаске и иным деревенским деликатесам. Отпустит.

– Но в штабе округа могут объявить военное положение.

Юрий насмешливо улыбнулся:

– Власть штаба округа давно уже заканчивается за входной дверью. Гараж – это вотчина Прона Акиевича, во всяком случае пока.

Круифф кивнул:

– Что ж, отлично.

В кастрюльке зашумело. Юрий торопливо подскочил к керосинке, закрутил вентиль, поставил кастрюльку на обрезок доски, снял крышку и повернулся к американцу:

– Есть будешь?

Тот отрицательно покачал головой:

– Я сегодня соизволил отужинать у «Нанона».

Юрий шутливо вскинул брови, ожидая объяснений.

– Оказалось, что здесь тоже встречаются очень предусмотрительные люди, которые высоко ценят оперативную информацию.

Юрий усмехнулся:

– Ну-ну. Тогда извини, а я поем.

Спустя пять минут он отодвинул пустую кастрюльку и откинулся к стене:

– И куда мы собираемся в конце концов направить свои стопы?

Американец щелкнул затвором штуцера, который держал в руках, поморщился и брезгливо вытер измазанный палец носовым платком:

– Ну как можно содержать оружие в таком состоянии? – Он бросил штуцер на кровать и повернулся к Юрию: – Я думаю, лучше всего отправиться на западный континент. Насколько я помню, Соратничество доберется до него лет через сто – сто пятьдесят, не раньше. Так что, даже с учетом того, что мы проживем несколько дольше, чем средний абориген, нам вполне хватит времени, чтобы успеть мирно отойти в мир иной.

– А как же потомки?

Круифф хмыкнул:

– Ну, не знаю как ты, а лично я не собираюсь заводить на Голуэе никаких потомков.

Юрий кивнул:

– Ладно. Место встречи на случай, если тебе придется отсюда съехать?

– Центральный почтамт. Обратишься к старшему письмоводителю. Его психотип хорошо поддается гипнообработке, так что я закодирую его на какой-нибудь простенький пароль. Например, – тут он хмыкнул, – «князь Росен».

Юрий весело улыбнулся. Это было имя, которое они выбрали для майора. Круифф поднялся на ноги:

– Ну что ж, как говорят здесь – покойной ночи. Тебе понадобится оружие?

– Я возьму барабанник. Остальное заберу.

Айвен кивнул и, завернув штуцера в кусок шинельного сукна, в котором Юрий их и принес, вышел из комнаты.

5

В этот день Струк «дал козла». И дело-то было – ничего особенного. Лабаз с хорошим суконцем. Пустыш навел. А хорошее сукно по нынешним временам, пожалуй, получше «рыжухи» будет. Для них-то уж точно лучше. «Рыжуху» сейчас хорошо не сдашь. А прячут и сторожат ее не в пример лучше, чем сукно. Особливо сейчас. Хозяин-то лабаза сторожа не сменил, так и оставил дедка с колотушкой и свистулькой. А кому свистеть-то, городских теперь и днем-то не сыщешь.

Откуда появился *этот*, он так и не заметил. В чем после полностью повинился, заслужив порку. Тоже мне, хорош «стремный». Он и сам до сих пор так и не понял, как тому удалось незаметно подойти вплотную, однако, когда он отозвался на условный свист и Бзырь с напарником, немым Красильщиком, вылезли через окошко с четырьмя штуками сукна, из-за спины Струка раздался тихий, но внятный голос:

– Промышляем?

Струк от неожиданности подпрыгнул, а Бзырь отскочил в сторону и выхватил «перо». Но незваный гость даже не шевельнулся. Несколько мгновений они молча пялились друг на друга, потом Бзырь сплюнул сквозь зубы и хрипло спросил:

– Ты кто?

Незнакомец усмехнулся:

– Черт из подворотни.

Бзырь угрожающе качнулся вперед:

– А шел бы ты, пока цел.

Незнакомец покачал головой:

– Сначала я должен сделать то, для чего к вам и подошел.

Для Бзыря это могло означать только одно, а потому он прыгнул вперед, тыча в воздухе ножом. Струк был готов поклясться, что незнакомец даже не шелохнулся до самого того момента, когда «перо» Бзыря коснулось его полушубка, но тут вдруг что-то с противным хрустом жахнуло ему прямо в лоб и он опрокинулся как раз на брошенные у стены штуки сукна.

Когда он выпутался из ткани, Бзырь валялся на земле и тихо скулил, баюкая руку, Красильщик вытянулся у стены во весь рост, прищипленный к ней за воротник Бзыревым «пером», а незнакомец неторопливо прохаживался перед ними, удрученно покачивая головой:

– Да-а-а, жалкая картина, ну да делать нечего... – Он повернулся к Бзырю: – Не хнычь, это всего лишь вывих. – Он шагнул вперед, вырвал «перо» из стены лабаза и бросил его под ноги Бзырю. – Завтра к трем пополудни приходите в «Седую толстуху», есть базар, – после чего повернулся и растворился в темноте.

В «Седой толстухе», грязной забегаловке, принадлежащей старухе Трунье, здоровенной бабище, благодаря которой это заведение и получило всем известное название, хотя на вывеске было изображено совершенно другое, вполне благозвучное, они появились за полчаса до назначенного срока. Здесь, как правило, собирались самые авторитетные в их среде люди, поэтому Струк чувствовал себя не в своей тарелке. Но не успели они скромно усестись в дальнем углу, как из клубов сизого дыма, густо заполнявшего помещение, выплыло обширное, будто бочка водовоза, брюхо хозяйки. Она окинула их придиричивым взглядом и спросила:

– Ты Бзырь?

Бзырь неохотно отозвался:

– Ну...

Хозяйка молча кивнула и скрылась в дыму. А спустя минут пять появилась снова, но на этот раз у нее в руках был треснутый дубовый поднос, уставленный тарелками с дымящимся супом из бараньей требухи и запотевший шкалик, явно только что из ледничка.

– Эй, мать, – удивленно пробормотал Бзырь, – мы это не заказывали.

Хозяйка молча разгрузила поднос и, показав в кривой ухмылке черные провалы на месте выпавших зубов, сказала:

– Жрите. Уплочено.

Ночной незнакомец появился так же внезапно, как и в первый раз. Струк как раз опрокинул стопарь и, довольно крикнув, поставил его на стол, как вдруг увидел, что тот уже сидит по другую сторону стола. Пару мгновений он ошалело пялился на него, потом, опомнившись, ткнул Бзыря локтем. Тот поперхнулся и со свирепым видом повернулся было к Струку, но тут заметил незнакомца. С минуту все молчали, приглядываясь друг к другу, потом гость, или, скорее, радушный хозяин, тихо заговорил:

– Мне нужно три человека для одного деликатного дела. Чтоб были люди опытные, смелые и... без предрассудков.

«Деловые» переглянулись. Бзырь осторожно спросил:

– По-мокрому?

Незнакомец усмехнулся:

– Возможно, но я бы не хотел.

– Мы по-мокрому не работаем.

Незнакомец с иронией посмотрел на Бзыря:

– А сторож?

Они переглянулись, и Бзырь нехотя пояснил:

– Так мы ж его аккуратненько.

Незнакомец покачал головой:

– Дед сейчас в Четвертом инвалидном доме, на Кухарской. Если бы удар пришелся на палец ниже, он был бы уже не жилец.

Бзырь не нашелся что ответить. За столом опять установилась тишина. Из дыма выплыла хозяйка:

– Эй, хозяин, может, надобно чего?

Тот молча мотнул головой, и старуха так же тихо исчезла.

– Ну так как?

Бзырь прищурился:

– А чего мы-то? Вон у Грумбы ребята не в пример круче или у Жада...

Незнакомец снова усмехнулся:

– Я еще не сказал своего самого главного требования. Мне нужны ПОСЛУШНЫЕ.

Они переглянулись: не сказать, чтобы это звучало комплиментом, но... многое объясняло. А в этом деле и так было слишком много загадок. Бзырь наклонился вперед:

– Сколько?

Незнакомец ответил сразу:

– По полтора куска. Каждому.

Струк тихо охнул. Даже по нынешним временам деньги большие, даже очень. Бзырь облизнул губы и кивнул:

– Лады.

Незнакомец молча поднялся и, мотнув головой на прощанье, двинулся к выходу из забегаловки.

На хазу они приехали на извозчике. «Гроб», здоровенный четырехэтажный доходный дом в Мытарском переулке, что на самых задворках Пресного рынка, когда-то был построен для армейских отставных офицеров не слишком высоких чинов. Квартиры в нем были достаточно просторные и по причине окраинного расположения и близости рынка не очень дорогие. Поговаривали, что хозяин дома решил на сие начинание, патронируемое Департаментом общественного призрения, в пику содержателям трех других доходных домов, к тому

времени уже превратившихся в воровские притоны. Он, имея казенных покровителей, был уверен, что господа отставные офицеры, как люди привычные к порядку, не позволят себе ничего такого. И поначалу задумка хозяина вроде как даже удалась. Но мало-помалу близость рынка со множеством дешевых питейных заведений повлияла на квартиросъемщиков не самым лучшим образом. Престарелые отставники, лишенные привычного армейского распорядка, начали поголовно спиваться, чем не преминули воспользоваться местные содержатели притонов, подпольных швейных мастерских и прочий люд, поднаторевший в темных делах. Отставников щедро ссужали деньгами, подпаивали, подбивали на игру, и таким образом квартиросъемщики, занимавшие поначалу вполне приличествующие званию отставного ротмистра или штабс-капитана квартиры из двух, трех, а то и четырех комнат, сначала лишались одной комнаты, потом еще, еще, и дело кончалось тем, что в их собственности оставалась драная подстилка, брошенная на пол в дальней комнате, которую новые хозяева квартир выделяли им по доброте душевной, а еще и для того, чтобы в съемных листах по-прежнему красовалась, к их удовольствию и выгоде, фамилия, скажем, ротмистра Коблуйко или штабс-капитана Трогоска.

Когда они ввалились в комнатуху, которую Бзырь подрядил у старика Тятехи, «каина» средней руки, который «держал» три угловых квартирки, незнакомец деловито прошелся вдоль стен, внимательно осматривая стыки и засаленные углы, хмыкнул, заметив отставшую штукатурку, двинул по ней рукоятью барабанника, неизвестно откуда взявшегося у него в руке, и, обнаружив за вздутием рукотворную дыру, затолкал в нее старую засаленную шаль, поднятую с пола. Потом сел спиной к двери и кивком разрешил сесть остальным.

– Итак, господа, как я уже сказал, основное, что мне от вас требуется, это повиновение. Ты, – он повернулся к Струку, – в лошадях разбираешься?

– Деревенский, чать, – обрадованно кивнул Струк, который всю дорогу боялся, что от него потребуют чего-то совсем уж страшного.

– Отлично, сегодня же пойдешь в Скотные ряды и купишь крепкую лошаденку с розвальнями. А кроме того, три пары лыж. Лыжи привезешь сюда. Затем закупишь продуктов и завтра с утра выедешь из города по Сенному тракту. На двадцать второй версте свернешь влево по лесной дороге. Там, верст через семь-восемь, будет избушка лесника. Если там никого нет – приведешь в порядок, растопишь печь и будешь ждать нас. Если же есть, – он сделал паузу, от которой Струк похолодел, что не ускользнуло от нанимателя, который еле заметно усмехнулся, – заплатишь хозяину за постой. Если мы не появимся через шесть дней – можешь возвращаться обратно. – Он повернулся к Бзырю: – Вы оба каждый день к десяти часам утра будете приходить к кассам Центрального вокзала. Ждите полчаса. Если я не появлюсь – значит, свободны. – Хозяин замолчал, так посмотрев на подельников, что у Струка засосало под ложечкой. – Пока не дам отбой – ни на какое дело не ходить. Вот каждому за послушание. – В его руке, все так же неожиданно, появилась пачка денег. Он отделил от нее по несколько ассигнаций Бзырю и Красильщику, а почти половину отдал Струку со словами: – А это тебе, на расходы. На лыжах все ходить умеют?

Они кивнули. Все трое были деревенские, а в лесу по зиме без лыж делать нечего.

– Тогда до встречи.

Когда они уже по третьему разу пересчитали деньги и Бзырь, брызгая слюной, изрядно уменьшил долю, выделенную Струку на расходы, тот вдруг удивленно произнес:

– Эй, мужики, а как его зовут?

– Кого? – не понял разгоряченный Бзырь.

– Ну, *этого*.

– А я почем знаю, – сварливо огрызнулся Бзырь и, мгновение подумав, добавил: – Чумной он какой-то. Выскакивает как чертик из табакерки, деньгами сорит... – Он повернулся к остальным: – А можа, того, возьмем денежки и только нас и видели? Эвон сколько отвалил-то.

Тут неожиданно вмешался Красильщик. Он замычал, привлекая к себе внимание, выразительно вытаращил глаза и провел пальцем поперек горла. Струк поежился, а Бзырь, вздохнув, согласился:

– Да-а-а, это уж точно, – и, помусолив в руках причитающиеся ему деньги, вдруг отделил те, что отобрал у Струка, и буркнул: – Ладно, делай все, как он сказал.

На вокзале он появился уже на следующий день. Бзырь с Красильщиком, изрядно намерзнувшись, как раз уже собирались уходить, и тут он, по своему обыкновению, вдруг возник у чугунной колонны, в двух шагах от них:

– Пошли.

– Куда? – оторопело спросил Бзырь.

Этот зыркнул на него так, что у Бзыря отнялся язык, и быстро зашагал вдоль перрона. Они дошли до конца перрона и прыгнули вниз. Пройдя по путям шагов сорок, они свернули в отстойник и, преодолев под вагонами три порожняка, оказались у тупикового пути со стоящим метрах в десяти маневровым паровозом под парами с пятью подцепленными вагонами. У паровоза топталось два подозрительных типа в тужурках железнодорожников. *Этот* остановился и повернулся к спутникам:

– Значит, так. Слушай сюда. Сейчас займемся маневрами. Вам покажут, как отцепить вагон. Когда научитесь делать это на стоящем вагоне и сверху, вас засунут в собачие ящики и вы должны будете научиться делать все снизу. А когда освоите и это – попробуете проделать расцепку на ходу. Ребятки, – он кивнул в сторону железнодорожников, – вам помогут.

Бзырь набычился:

– Ты че, я ж тебе не медведь цыганский такие штуки вытворять, мы так не договарива... – и осекся, наткнувшись на бешеный взгляд *этого*.

Тот еще пару мгновений побуравил его взглядом, потом покосился на Красильщика и раздвинул губы в улыбке, больше напоминающей оскал:

– На то, чтобы научиться всему, о чем я говорил, у вас только два дня. На третий – я посмотрю, что вы умеете. – С этим он повернулся и исчез под вагоном.

Бзырь перевел дух, как-то беспомощно взглянул на Красильщика, который, уставясь перед собой, осенял себя святым кругом, и, зло сплюнув, двинулся к паровозу.

Необходимую сноровку они приобрели только на четвертый день. Когда Бзырь и Красильщик, распаренные и взмокшие, несмотря на мороз, наверное, в сотый раз вывалились из-под все ещедвигающегося наката вагона, *этот* защелкнул крышку часов и, слегка скривившись, сказал:

– Ну, в первом приближении... можно согласиться, – потом убрал часы и, мотнув головой, бросил: – Пошли. Уже опаздываем.

Через два с половиной часа они выскочили из туго набитой теплушки на полустанке, в сорока верстах от города, где поезд остановился всего на полминуты. Уже стемнело. *Этот* отвел их по путям почти к выходному семафору и, кивнув в сторону развалюшки, некогда бывшей будкой обходчика, приказал:

– Спрячьтесь здесь. Часа через полтора на станцию придет специальный курьерский поезд. Долго он не задержится. Когда тронется, то при проходе этой стрелки слегка притормозит. Возможно, даже и остановится. За это время вы должны забраться под шестой с конца вагон. По этому свистку, – он вытащил из кармана полицейскую свистульку и дунул в нее, – отцепите пять задних вагонов, а вот по такому, – он свистнул два раза, – отцепите вагон от головы поезда. Понятно?

Они молча кивнули. Он наградил каждого выразительным взглядом и в своей обычной манере словно растворился в воздухе.

Все оставшееся время Бзырь провел трясаясь как в лихорадке. Однако все оказалось довольно просто. Когда поезд проходил стрелку, раздался какой-то резкий звук, и кондуктор,

стоявший на задней площадке последнего вагона, засвистел и прикрутил тормоз. Поезд замедлил ход и остановился. Бзырь с Красильщиком, пригнувшись, бросились к вагону. Поезд тронулся. Вскоре Бзырь почувствовал, что превращается в ледышку. Одно дело – запрыгивать в собачий ящик неподвижного или еле двигающегося вагона и через пять минут выскакивать обратно, другое дело – болтаться в нем невесть сколько времени на жутком сквозняке и крепком ночном морозе. Но тут откуда-то сзади послышался условный протяжный свист. Бзырь ругнулся, пнул Красильщика и торопливо полез к сцепке, привычно хватаясь за поперечины рамы. Второй свист раздался сразу же, как только они расправились с первой сцепкой. Бзырь, зло чертыхнувшись, полез в обратную сторону.

Вагон остановился. Бзырь и Красильщик спрыгнули на землю и неторопливо направились к сдвижной двери. Бзыря так и подмывало поглядеть, чего это они сперли. Они успели пару раз стукнуть по двери, которая, к их удивлению, оказалась запертой изнутри, как вдруг с грохотом откинулась бронированная крышка верхнего зарешеченного окошка и сквозь решетку просунулась рука с барабанником. «Деловые» бросились за вагон. Барабанник два раза грохнул, и рука спряталась. Бзырь, утирая холодный пот, пробормотал:

– Во влипли...

В темноте вдруг послышались быстрые шаги. Кто-то бежал вдоль рельсов. Вскоре они различили фигуру своего нанимателя. Бзырь подался вперед:

– Там люди, с оружием.

Этот молча перешел на шаг и, подойдя поближе, осторожно заглянул за угол вагона. Хмыкнул. Вытащил из-за пазухи бутылку с чем-то вонючим, взболтнул, скользнул вдоль вагона и точным движением метнул ее в открытое окно. Внутри раздался звон разбитого стекла, шипение, а потом кашель. *Этот* повернулся к сообщникам:

– Сейчас они полезут наружу. Ваша задача – разоружить их и слегка успокоить.

Не успел он отдать команду, как дверь вагона с грохотом отодвинулась и в образовавшуюся щель, отчаянно кашляя, протиснулся дюжий мужик с барабанником в руке. *Этот* двинул ему без размаха под дых, вырвал барабанник и свирепо рявкнул:

– Ну!

Бзырь и Красильщик, стряхнув оцепенение, ринулись к двери.

Минут через пять налетчики и все охранники, которых было десять человек, оказались в вагоне. Все еще пованивало, но вполне терпимо. Из охранников двое было ранено – одного пырнул ножом в руку Бзырь, другому попал в плечо из барабанника *этот*. Сейчас он был занят тем, что перебирал тугие мешки в уже вскрытом сейфе, привинченном к полу в средней части вагона. Бзырь, вооруженный двумя барабанниками, караулил пленников, нервно следя за каждым их движением. До него только что дошло, во что он ввязался, и от ужаса у него пересохло во рту, а голова гудела как пустой котел. Оказывается, они ограбили специальный вагон Центрального банка, охранявшийся специальной командой из десяти человек. Ну, это уж чересчур! При мысли о том, что за ним теперь будет охотиться столичная криминалка, а то и весь Охранный департамент, Бзырю сделалось совсем худо. Между тем их главарь, по-видимому, нашел то, что искал. Он поднялся на ноги и подошел к двери. Сбросив вниз два мешка, он развязал третий и высыпал из него пачки ассигнаций. Потом бросил пустой мешок Красильщику, жестом указал на сложенное у двери оружие, а сам повернулся к охранникам, угрюмо сидевшим на полу в углу вагона:

– Господа! Я нашел то, что мне необходимо, и вскоре мы вас покинем. Я понимаю, наш поступок выглядит в ваших глазах обыкновенным ограблением, но это не совсем так. Эта страна вскоре погрузится в хаос, и деньги, которые вы везете, скорее всего, будут либо украдены, либо растрчены, либо разграблены. Причем, полагаю, это произойдет в течение нескольких ближайших недель. И если вы задумаетесь над тем, что происходит, то вынуждены будете согласиться со мной. Поэтому я предлагаю вам поступить следующим образом. – Он

пнул ногой кучу денег на полу: – Это возьмите себе. У вас есть неоспоримые доказательства того, что на вас было совершено нападение, и я не думаю, чтобы в том хаосе, которым охвачена страна, расследование проводилось уж очень тщательно и принесло хоть какие-нибудь результаты. Взамен я прошу только об одном, – он посмотрел на охранников, переводя взгляд с одного на другого, – опишите налетчиков так, чтобы искали не нас, а каких-то других людей, абсолютно на нас непохожих. Времени, чтобы сговориться, у вас будет достаточно. – С этими словами он повернулся к Бзырю и, кивком приказав следовать за ним, выпрыгнул из вагона.

Пробежав с версту по шпалам, они скатились в небольшой овраг, где их, к немалому удивлению Бзыря и Красильщика, ждали воткнутые в снег лыжи. А через час с небольшим вышли к сторожке и растолкали бессовестно дрыхнувшего Струка. Тот быстро запряг лошаденку, и к рассвету они уже миновали Пожарную заставу.

На углу Лешаковской и Кухарской *этот* вдруг велел придержать лошадь и, развязав мешок, извлек несколько пачек ассигнаций:

– Здесь двадцать тысяч. Больше, чем мы договаривались. Это – премия за послушание. И совет. Бесплатный. Подавайтесь на юг. Сегодня же.

Он спрыгнул с саней, закинул за спину добычу и исчез в подворотне. Все трое молча переглянулись, и Струк, ни слова не говоря, развернул лошаденку в сторону Южной заставы. У самого выезда из города они заскочили в придорожный трактир и купили окорок, хлеба, чесноку да четверть забористой «Смирнянской». Закат застал их уже на почтовой станции в сорока верстах от города по Степному тракту.

6

– Ну, с богом. – Господин Максин вздохнул, поднялся на ноги и, подойдя к Круиффу, традиционно трижды обнял его, целуя в щеки.

Айвен стоически перенес столь пылкое прощание и, пожав хозяину руку, с легким поклоном покинул просторный холл. Выйдя на парадное крыльцо, он оглянулся по сторонам. Во дворе четверо мужиков с натугой несли от людской к саням, на которые были заботливо навалены овчинные полости и тулупы, отчаянно скрипевшие носилки, связанные из дубовых жердей. На них горой возвышалось могучее тело майора. На передке саней сидел неизменный Прол. Круифф подождал, пока мужики аккуратно уложат свою ношу, и спустился с крыльца. Внизу он обернулся и еще раз помахал рукой семейству господина Максина, прильнувшему к окнам, а потом, путаясь в длинных полах тулупа, подошел к саням и неуклюже перевалился через борт. Прол чмокнул, гикнул, лошадь дернулась и тяжело поволокла сани.

Подъем кончился, и лошадка пошла шибче. В лицо ударил ветерок. Круифф поднял воротник тулупа и поплотнее укутал ноги. Было около трех часов пополудни, но дорога оставалась безлюдной. Только где-то впереди, почти у самого горизонта, на фоне сизого зимнего неба виднелись две шевелящиеся точки, обозначая то ли пешеходов, то ли конных. По левую руку темной зубчатой крепостной стеной возвышался лес. Мир казался замерзшим и обезлюдевшим. И Айвену вдруг пришло в голову, насколько странно все то, что с ними произошло. Из гигантской Вселенной, в которой до звезд подать рукой, а путешествия между ними уже успели порядком наскучить, внезапно переместиться в мирок, где путешествие на расстояние в десять верст занимает, с учетом всей необходимой подготовки, целый световой день. Где люди захлебываются от восторга, обнаружив, что с помощью современных технических средств можно совершить путешествие вокруг своей планеты за невероятный срок всего в восемьдесят дней, а дамы обсуждают вызывающие платья-брюки, в которых при ходьбе иногда можно угадать женскую лодыжку. При этой мысли Айвен вздрогнул от внезапного озноба, усмехнулся и снова поправил воротник.

Прол, время от времени поглядывавший на своего необычного пассажира, сочувственно покачал бородой и ткнул кнутом в небо:

– Моложеет, барин.

– Что?

– Моложеет, говорю. К теплу, стало быть.

Круифф кивнул и снова задумался. На этот раз его мысли обратились к тому, что творилось вокруг. Когда он осознал, что они оказались в далеком прошлом Голуэи, причем как раз в переломный момент, то в первые несколько недель все его усилия были направлены только на то, чтобы обеспечить выживание. Утвердиться, завязать связи, найти источники информации и финансирования, подготовить пути отхода. Но позже, когда основное было сделано, его стали посещать время от времени кое-какие досужие мысли. Причем достаточно крамольные. Не вызвало сомнений, что их провал в прошлое был вызван «разгоном» СВП-генератора. Но почему их выбросило именно в этот момент? Чем вызвано то, что они оказались именно в этом времени? И не означает ли все это, что в этой точке пространственно-временная структура также неустойчива. А отсюда совсем было недалеко до вывода, что принудительное изменение устоявшейся реальности все-таки возможно, что такое предположение вполне имеет право на существование. Из этого следует, что все столь же бурные события, которыми была так богата история старушки Земли, вполне возможно, также были следствием подобных пространственно-временных флуктуаций, каким-то, пока еще неясным образом оказывающих воздействие на самую многочисленную и высокоразвитую популяцию животных на планете. Недаром современники начала Первой мировой войны писали, что мир будто охватило всеоб-

щее безумие. И здесь он тоже мог наблюдать что-то подобное. Хотя, скорее, с обратным знаком. Умные люди, с которыми ему довелось общаться, прежде деятельные, ныне были словно охвачены оцепенением либо существовали в каком-то своем, придуманном мире. Довольно сносно разбираясь в происходящем и представляя в общих чертах, чем может закончиться нынешнее развитие событий, одни, и их было большинство, отказывались хоть как-то влиять на ход вещей, как будто ожидая, что все устроится само собой, другие яростно интриговали, пытаясь приобрести статус, который сами же почитали бесполезным, а третьи увлеченно ловили рыбку в мутной воде, напрочь позабыв об инстинкте самосохранения. Между тем на поверхность всплывало все больше и больше отбросов, мутной пены – пройдохи, шарлатаны, озлобленные убийцы, честолюбивые бандиты и всяческая иная шваль. Для них открывалось широкое поле деятельности.

Прошлым вечером, после ужина, они с господином Максином поднялись в его кабинет. Банкир был взволнован и слегка напуган. Предложив гостю сигару, он поерзал, не зная, как приступить к предмету разговора, наконец, отбросив сдержанность, взволнованно заговорил:

– Прошу прощения, господин Кройф, но что же это творится?

Айвен, аккуратно раскурив сигару, невозмутимо ответил:

– Революция, господин Максин, что же еще?

Хозяин дома всплеснул руками:

– Да какая это революция? Это... какой-то бандитизм.

– А кто сказал, что это разные вещи?

– Ну как же, ведь на Западе...

– Все было точно так же, – перебил его Круифф. – Вы почитайте первоисточники. Да что там говорить. В тех странах, которые нынче почитаются как светочи цивилизации и прогресса, революции начинались казнью собственных суверенов. Так неужто вы думаете, что здесь все будет иначе?

Хозяин дома побледнел:

– Так вы думаете...

– И это будет только началом, – проговорил Круифф. – Так что... Хотите совет?

Максин ошеломленно кивнул.

– Уезжайте, причем немедленно. Завтра же. Иначе будет поздно.

– Но... я не могу. У меня семья, дом, банк, наконец.

– А все это скоро станет не вашим.

– Как?

Круифф усмехнулся:

– Вы интересуетесь как? Почитайте господина Энгельма. Он четко объяснил, что все, чем вы владеете, создано путем жестокого грабежа низшего сословия. И потому оно, это сословие, имеет полное моральное право забрать все это себе. Чем все уже и начали заниматься. Вы видите вокруг себя силу, способную это остановить?

Максин медленно покачал головой.

– Вот так-то. – Круифф затянулся сигарой, потом заговорил снова, спокойнее: – Ну а если вы еще на что-то надеетесь, то, по крайней мере, примите меры предосторожности. Конвертируйте наличность в иностранные ценные бумаги, а золотовалютные запасы переводите на депозит куда-нибудь за границу. И не стесняйтесь вывезти туда же содержимое клиентских сейфов. Попомните мое слово, если в конце концов у них объявятся хозяева, они будут вам горячо благодарны. – Круифф снова затянулся сигарой и продолжил уже почти ласково: – А сами уезжайте. Увозите семью. Если произойдет чудо и здесь действительно все каким-то образом наладится, то будете считать, что съездили на отдых. Мы через три – пять дней собираемся отправиться на север с военным эшелоном. И я могу замолвить за вас словечко. Вам выделяют

купе, на семью. Конечно, это не совсем то, к чему привыкли ваши домашние, но... Можете мне поверить, это – лучшее, на что вы сегодня можете рассчитывать.

Банкир задумался:

– Признаться, в ваших словах есть резон, но... Как все это внезапно на нас обрушилось. Еще три месяца назад мои совершенно спокойно вернулись с вод. А два месяца назад в городской управе давали осенний бал. И вот за какие-то месяцы, даже недели, все пришло в совершеннейшее расстройство. Бандиты на улицах, грабежи средь бела дня, транспорт не ходит. Телеграф то работает, то не работает... Прямо не знаю, что делать. Оставлять банк в такое время...

Круифф разочарованно пожал плечами. Эх, жаль, здесь нет Юрия, его собственных способностей психопринуждения явно недостаточно. Милейший господин Максин слишком привязан к своему делу. Все же Айвен решил попытаться еще раз:

– И все-таки я настоятельно советую вам уехать. На-сто-я-тель-но. Если вам дорога ваша семья...

Банкир вздрогнул и закивал головой:

– Да-да, наверное, вы правы.

Однако на следующий день господин Максин, смущенно отводя глаза, заявил, что решил пока не торопиться с отъездом.

До города добрались, когда уже стемнело. Прол лихо проскочил почти пустую Кухарскую с занесенными снегом рельсами конки. Это означало, что сегодня вагоны конки на линию не вышли. Свернув на Буковый бульвар, сани подкатили к небольшому двухэтажному особняку, подслеповато взиравшему на мир маленькими окошками. Еще третьего дня Круифф договорился с приятелем господина Максина и полковника Эксгольма бароном Конгельмом, гласным Государственного собрания, одним из троих очевидцев их появления, что на несколько дней оставит «князя» у него в доме. Так что, по идее, его уже должны были ждать.

Барон встретил гостя на верхней площадке лестницы. Он приветствовал Круиффа поклоном, коротко что-то приказал стоявшим рядом дюжим слугам, а сам радушно указал гостю рукой на дверь гостиной:

– Нынче я отпустил большинство слуг пораньше, так что вы скидывайте тулуп и милости прошу чайку. Мы вас давно ждали.

Айвен послушно разделся, напряженно размышляя над тем, что означает местоимение «мы», и, потирая замерзшие руки, неторопливо проследовал к рукомойнику.

Из гостиной слышались приглушенные голоса. Круифф тщательно вымыл руки, вытер их хлопковым полотенцем, пригладил тоненькие усики и бородку, которые он, по местной моде, отпустил два месяца назад, и двинулся к двери гостиной.

Из четверых присутствующих он знал только полковника Эксгольма да его заместителя полковника Остея. При его появлении все поднялись на ноги, и барон, по праву хозяина, представил своих гостей:

– Ну, дорогой господин Кройф, позвольте мне представить вам господина Плашню, купца первой гильдии, гласного городского собрания, и господина Топкора, владельца полотняной мануфактуры. А с господами военными вы уже знакомы. – Хозяин дома молча дождался, пока Круифф обменяется со всеми рукопожатиями, и заговорил снова: – Не стану занимать ваше время долгими церемониями, а, с вашего позволения, перейду сразу к делу. Прошу садиться. – Он указал Круиффу на небольшой диванчик рядом с миниатюрным столиком, на котором размещался изящный чайный сервиз. – Откушайте чаю. – Он молча наблюдал, как Айвен, сделав несколько неторопливых глотков, поставил чашку на место, и с решительным видом начал свою речь: – Прошу простить нашу назойливость, но, по нашему мнению, дело не терпит отлагательств. – Он кашлянул. – Когда вы представили господину Эксгольму веские доказательства

важности вашей секретной миссии, взяв с него слово никому не говорить о том, что вы ему открыли, мы все, признаюсь, попытались заставить господина полковника открыть нам некоторые обстоятельства вашего с ним разговора. Мы считали себя вправе настаивать на этом, так как господин барон входит в руководство весьма влиятельной патриотической организации под названием «Черная тысяча» и между нами, как правило, нет никаких секретов.

Барон помолчал, пристально глядя на Круиффа и пытаясь угадать, какое впечатление произвело на него это заявление. Но Айвен не открывал рта. Барон Конгельм еле заметно поморщился и снова заговорил:

– Мы исходили из предположения, что вы представляете какие-то влиятельные круги ведущих мировых держав, которые дальновидно обеспокоились развитием событий на нашей родине и предоставили вам полномочия для оказания помощи здоровым силам общества. Однако полковник, несмотря на все наши уговоры, остался верен данному вам слову и ничего нам не рассказал. Вот почему мы решили обратиться прямо к вам, – закончил барон и с обеспокоенным видом откинулся на спинку кресла.

Айвен чувствовал некоторую растерянность. После успешного завершения «беседы» с полковником Эксгольмом он никак не ожидал, что придется снова к этому возвращаться и пытаться как-то объяснить, как он оказался в этой стране. И вот на тебе. Круифф прекрасно понимал, что его довольно скромные способности психопринуждения не позволят ему справиться сразу с четырьмя потенциальными объектами, к тому же, не имея времени на подробный анализ ситуации, он не мог просчитать, какая из версий окажется для него самой выгодной при последующем развитии событий. Импровизации же Круифф не очень любил. Как бы то ни было, пока следовало молчать и ждать, как пойдет дело дальше.

Первым не выдержал барон Конгельм. Он вскочил на ноги и нервно заходил по комнате:

– Поверьте, господин Кройф, мы все несколько не сомневаемся в вашей верности данному слову, но посудите сами. Ваша миссия в силу стечения обстоятельств по сути сорвана. Вы потеряли свой аэроплан и, вероятно, крайне важные материалы, которые на нем находились и должны были облегчить вам выполнение вашей миссии. У вас на руках больной, которому, вне всякого сомнения, отводилась в ваших планах большая роль. А ситуация в стране за эти месяцы изменилась столь разительно, что для вас становится проблемой даже возможность успешно покинуть ее пределы. Что до нас, то мы не предлагаем вам ничего предосудительного. Только помощь, нашу помощь и помощь большого числа патриотически настроенных граждан. – Барон с доверительным видом наклонился к Круиффу. – Признаюсь, мы уже начали действовать, не дожидаясь вашего согласия. Полковник Остей организовал несколько полетов аэропланов для осмотра местности, с тем чтобы обнаружить место падения вашего аппарата, но, к сожалению, пока нет никаких результатов. Возможно, ваш аэроплан упал в одно из озер, что во множестве имеются в лесных массивах восточнее поместья господина Максина. В таком случае мы просто бессильны. – Барон наконец замолчал, уставившись на Круиффа неподвижным взглядом, в котором уже читалось некоторое раздражение.

И тут Айвен понял, почему ему и его спутникам удалось с такой легкостью вписаться в здешнее общество и почему люди, облеченные властью и отнюдь не страдающие излишней доверчивостью, так охотно шли с ним на сближение, ссужали деньгами, помогали советами. Выбитые из колеи всем ходом событий в последние месяцы, потерявшие веру в собственные силы, эти люди были в таком отчаянии, так жаждали какого-нибудь выхода, что готовы были увидеть в любом иностранце мессию, посланного, чтобы указать им выход из тупика. Однако дальше молчать было нельзя. На него требовательно смотрели четыре пары горящих глаз. Айвен понял, что его собеседники просто не примут уверток и запирательств. А это значит, что, если он не хочет провести остаток вечера, слушая горячие уговоры собравшихся, ему следует немедленно изложить им какую-нибудь удобоваримую версию. Айвен быстро перебрал в уме более или менее подходящие варианты и с решительным видом выпрямился в кресле:

– Господа! Я принимаю вашу помощь.

Раздался вздох облегчения.

– Но, господа, должен вас огорчить. Те, кто меня послал, – а я, с вашего позволения, пока сохраняю в тайне, кто они такие, – не ставили перед собой задачи попытаться каким-то образом прекратить ту кровавую вакханалию, которая все больше захватывает вашу страну. В тот момент, когда я отправлялся в путь, еще оставалась иллюзия, что все не так плохо и новое правительство сумеет справиться с ситуацией.

При этих словах барон Конгельм брезгливо поморщился, а полковник Эксгольм зло усмехнулся. Айвен продолжал:

– Впрочем, даже если бы мы и предполагали, что все обернется настолько плачевным образом, то – и я думаю, господа, что вы согласитесь со мной, – нигде за границей не найдется силы, способной повлиять на ситуацию столь кардинальным образом. – Айвен немного помолчал, как бы предлагая собеседникам вникнуть в смысл того, что он сказал. – Наша же миссия была гораздо скромнее.

Круифф чувствовал, как снова напряглись и насторожились его собеседники. Надо было мобилизовать все свои силы и весьма ограниченные возможности, чтобы эти господа поверили ему сразу же и... оставили его в покое. Он имел крайне смутное представление о здешней заграничной элите зарубежных государств, поскольку изучение данных вопросов отложил на более отдаленное время, а потому его версия, сочиненная на скорую руку, не выдержала бы мало-мальски подробного обсуждения и анализа.

– Несмотря на несколько, как мы сейчас видим, излишний оптимизм, те, что меня сюда послали, учитывали и возможность того, что ситуация в стране может измениться в неблагоприятную сторону. В этом случае мы всего лишь должны были помочь суверену и его семье покинуть пределы страны. Конечно, при условии, что на то будет получено его согласие.

Он замолчал. Несколько мгновений в кабинете стояла полная тишина. Барон Конгельм, сердито посмотрев на полковника Эксгольма, с разочарованной миной откинулся на спинку кресла. Полковник выглядел растерянным. Круифф понял, что его версия требует некоторой корректировки. Поскольку просто эмиграция бывшего государя из своей страны, да еще в столь серьезный для нее момент, и впрямь вряд ли могла служить достаточным основанием для столь упорного молчания полковника и отвечала его возвышенным чувствам.

– Прошу простить, господа. Но, судя по, прошу извинить меня, разочарованному выражению ваших лиц, вы не до конца осознали замысел моих нанимателей.

– Куда уже понятнее, – прогудел с дивана купец, – его величество драпануть решили.

Круифф мягко улыбнулся:

– Это не совсем так. Его величество пока не в курсе. Но это не важно. В свете последних событий моя миссия приобретает еще большую значимость.

Его собеседники переглянулись. Круифф пояснил:

– Как я уже сказал, за границей нет такой силы, которая могла бы кардинально изменить ситуацию. Это могут сделать только сами граждане этой страны. Но за границей есть силы, которые могли бы оказать патриотам достаточно существенную помощь. И кто, как не суверен, сможет стать лицом, которое объединит здоровые силы и выступит гарантом того, что оказанная помощь не будет растрчена впустую.

С минуту в гостиной стояла тишина, потом подал голос мануфактурщик:

– А что, по-моему, вполне понятное дело. У нас тоже абы кому денег не дают, какие бы залоги ни предлагали.

Барон Конгельм достал из кармана портсигар и закурил, нервно щелкнув зажигалкой.

– Итак, чем мы можем вам помочь?

Круифф с облегчением перевел дух. Похоже, сработало.

– Простите, но мне требуется время, чтобы все обдумать. Как вы понимаете, я совершенно не рассчитывал на подобное развитие событий.

– Да-да, прошу простить меня, – тут барон вспомнил о долге радушного хозяина, – прошу прощения, господа, я думаю, наш гость полностью удовлетворил наши ожидания, а теперь я вынужден просить вас отпустить его. Господин Кройф, вне всякого сомнения, устал, и нам не следует больше докучать ему.

Уже лежа в постели, Круифф еще раз прокрутил в голове события сегодняшнего вечера. Конечно, его версия сверстана на скорую руку и вряд ли выдержит больше двух, от силы трех недель, но столько и не надо. Не позже чем через неделю они будут уже далеко от этого города и близки к тому, чтобы навсегда покинуть эту страну.

Если бы он только знал, как сильно ошибается.

7

– И что ты им поручил? – Русский откровенно забавлялся.

– Тебе смешно... – Круифф в раздражении скомкал салфетку и бросил ее на стол. – Сам не понимаю, как это я не просчитал такого развития событий.

Они сидели за небольшим круглым столиком, накрытым белоснежной крахмальной скатертью, на балконе центрального зала «Нанона». После успешного завершения акции по изъятию ценностей они решили позволить себе небольшой выход в ресторан. Юрий задумчиво покачал головой:

– Ты знаешь, я сам все время ловлю себя на том, что мне как будто все время что-то мешает, сбивает с толку. Мне трудно себя контролировать. Чувствую, что приходится прилагать гораздо больше усилий, чем обычно, и для того, чтобы держать себя в руках, и чтобы, наоборот, заставить себя делать то, что надо, а временами так вообще накатывают приступы необъяснимой слабости... У тебя не возникает таких ощущений?

Айвен задумался. За последние месяцы у него практически не было времени на то, чтобы хотя бы ненадолго вынырнуть из бешеного водоворота, в который превратилась его жизнь, и сосредоточиться на своих ощущениях. Но сейчас он вдруг осознал, что все это время чувствовал себя как-то странно. По вечерам, когда Айвен по своей давней привычке еще раз проигрывал события ушедшего дня и оттачивал то, что ему предстояло делать завтра, ему все время приходилось заставлять себя делать это. Поскольку к вечеру он постоянно чувствовал себя как выжатый лимон. Да и в течение дня он уставал неожиданно быстро и, вот напасть, несколько раз ловил себя на том, что просто забывает некоторые вещи. Недели две назад, после очередного приступа забывчивости, он даже взял себе за правило все записывать. И, уму непостижимо, даже вечером не удосужился хотя бы просто проанализировать столь несвойственный ему поступок. Возможно, он бессознательно списывал все это на последствия их невероятного приключения, однако сейчас вдруг со всей ясностью осознал, что эти ощущения день ото дня не ослабевали, а наоборот – все больше усиливались. И в этот момент Айвен припомнил свои дорожные размышления, когда он возвращался с майором из поместья господина Максина. Он вздрогнул. Значит, *это* действует и на них. Русский наклонился над столом и положил руку ему на плечо:

– Эй, старина, не грусти. Я сам понял это не так давно. Просто у меня последнее время было много «контактной» работы, ты же больше работал головой, а в этом случае все не так заметно. К тому же кабинетная работа расслабляет. Так что, видимо, «перенос» прошел для нас не так бесследно, как показалось сначала.

– Это не то, что ты думаешь, – сказал Айвен.

– То есть?

Круифф залпом выпил рюмку, поставил ее на стол, минуту посидел нахмурившись и повернулся к Юрию. Выслушав его краткий рассказ, тот ненадолго задумался.

– Пожалуй, ты прав, действительно, теперь я понял, что с каждым днем *это* становится все заметнее. И что же нам делать?

Круифф пожал плечами:

– Наверное, то же, что мы уже делаем. Похоже на то, что мы в настоящее время находимся практически в эпицентре этой странной СВП-флуктуации, и чем быстрее мы покинем эту зону в частности и эту страну вообще, тем больше шансов, что у нас в конце концов все вернется к норме. Кстати, возможно, что столь затянувшееся бессознательное состояние у майора каким-то образом тоже связано с *этим*. Ведь он Измененный, так что вероятность того, что на него *это* действует гораздо сильнее, достаточно велика.

Юрий в задумчивости покачал головой:

– Возможно. Но только я вот о чем думаю. Раз существует прямая зависимость, нельзя исключить, что может быть и обратная.

Круифф несколько мгновений раздумывал над его словами, потом спросил:

– Что ты хочешь этим сказать?

Русский рассмеялся:

– Да брось, – он взял графинчик, налил себе стопку, выпил ее маленькими глоточками, по-простецки крякнул и быстро закусил соленым огурчиком и копченой колбаской, – ты слишком хороший аналитик, чтобы не понять, о чем я говорю.

Айвен задумчиво нахмурил брови, потом скривил губы в насмешливой улыбке:

– Значит, ты собираешься в одиночку остановить надвигающуюся на страну катастрофу в надежде, что это принесет стабилизацию уровня флуктуации и, возможно, даже понизит его. Но, во-первых, мое предположение, может быть, полный бред, во-вторых, если даже какая-то зависимость и существует, то ведь она вполне может оказаться какой угодно, даже прямой, да еще геометрической, а это значит, что любое действие может только повысить уровень, и – это в-третьих, – как ты мыслишь себе эту попытку, да еще имея на руках майора в подобном состоянии?

Юрий мечтательно воздел взор к потолку:

– Да, майор бы нам не помешал. Я видел работу его команды на Сонтрейме, во время второго конфликта. Мечта. Позади все горит, впереди все рыдает. Его ведь перебросили к нам как раз в связи с этим чертовым СВП-генератором. Руководство не исключало возможности силового решения, и послу показалось целесообразным приставить его к вам. Поскольку возможности для сбора информации в качестве курьера он практически исчерпал. А я должен был придать нашей маленькой группе необходимую мобильность и подстраховывать тылы.

Круифф усмехнулся:

– А я-то ломал голову, зачем ко мне приставили этого грозного сторожевого пса.

Юрий посмотрел на собеседника с иронией:

– Как видите, мистер, решение загадки, как всегда, оказалось намного проще, чем вам, по-видимому, представлялось, – он вздохнул, – но вы правы. Имея на руках больного майора, мы мало на что способны.

Круифф с облегчением вздохнул, стараясь, чтобы русский этого не заметил. Его склонность к авантюрам в будущем могла создать немало проблем. Слава богу, на этот раз взял верх здравый смысл. Однако не мешало бы закрепить успех. Круифф торопливо взял графин и снова наполнил стопки:

– Давай, как это у вас принято, выпьем за удачу.

Юрий усмехнулся и поднял свою стопку. Они чокнулись, выпили и принялись за еду. Несколько мгновений за столом было слышно только позвякивание ножей и вилок, потом Юрий снова откинулся на спинку стула:

– Между прочим, ты мне так и не ответил. Что ты поручил этим добровольным помощникам?

Круифф поднял взгляд от тарелки:

– А что я мог им поручить? После отречения суверен с семьей попросил разрешить ему поселиться в Вивадии. И, получив это разрешение два месяца назад, особо не торопясь, тронулся в путь, делая остановки на всех мало-мальски заметных станциях. Надо сказать, – Круифф усмехнулся, – если верить здешним газетам, несмотря на отречение, он продолжает пользоваться популярностью у значительной части общества. Но несколько дней назад специальный поезд с семейством суверена внезапно исчез со своего маршрута, причем произошло это где-то на перегоне Хольм – Таркив. Во всяком случае, вот уже четыре дня нет никакой информации о его передвижении. Естественно, я попросил их установить, где находится этот поезд, и отслеживать его движение.

– Таркив – это, насколько я помню, где-то на юге. А как ты объяснишь наш отъезд в совершенно противоположном направлении?

Айвен беспечно дернул плечом:

– Ну, это несложно. Наши друзья уверены, что майор тоже высокопоставленная особа. И я просто обязан сделать все для его благополучной эвакуации. Так что мой отъезд на север вполне объясним.

– Возможно. А мой?

Круифф резко выпрямился и сжал ладонями виски:

– О, дьявол. Об этом я не подумал. А ведь они вполне могут спросить об этом. Или предложат, чтобы майора сопровождал ты, а мне надлежит заняться моей так называемой миссией...

Пилот вздохнул:

– То-то и оно.

Оба помолчали.

– Да ладно. – Русский успокоительно махнул рукой. – Я вполне могу остаться вроде бы как для связи, а через некоторое время отправлюсь за вами вслед.

Айвен бросил на пилота подозрительный взгляд. Тот ответил ему невинной улыбкой:

– Уж не сомневаешься ли ты в моей способности преодолеть здешние смешные границы?

Круифф медленно покачал головой:

– В твоих способностях я несколько не сомневаюсь. Я сомневаюсь в твоём благоразумии.

Русский слегка поморщился, нагнулся к столу, быстро подцепил вилкой маринованный грибок и отправил его в рот.

– А если даже и так? С моим уровнем подготовки я, думаю, сумею выпутаться из ситуаций, в которых могу здесь оказаться, по крайней мере в девяноста случаях из ста. Так почему бы не попробовать вмешаться?

– Я бы на твоём месте не очень-то рассчитывал на вашу подготовку, – вздохнул Круифф. – Учитывая, что действие этого, назовем его фактором Х, с течением времени усиливается, все твоё преимущество может сойти на нет, причем довольно быстро.

– Но ведь мы с тобой, в отличие от местных, обладаем серьёзной подготовкой к действиям в условиях комплексного психоподавления. Кроме того, действие Х-фактора усиливается и для всех остальных, не так ли? Значит, ухудшение будет пропорциональное и я все равно остаюсь в выигрыше, даже при прочих равных условиях.

– Ну, я бы не был так уверен в этом. Ведь пока что мы с тобой здесь чужие. Может быть, на нас он действует сильнее. Вот ведь майор – он до сих пор не очнулся.

Пилот задумался:

– Ну что ж, возможно, ты прав. И все же я хотел бы рискнуть. Могу пообещать, что если я вдруг почувствую, что вероятные последствия, о которых мы с тобой говорили, действительно имеют место, то немедленно брошу все и отправлюсь за вами вслед.

Айвен сердито блеснул глазами:

– Нет, я запрещаю тебе. Все может кончиться тем, что к тому моменту, когда ты решишь отправиться вслед за нами, Х-фактор уже так подействует на тебя, что ты будешь просто не в силах это сделать или, как майор, впадешь в бессознательное состояние. – Айвен умолк, пристально глядя на русского и стараясь вложить в свой взгляд всю силу убеждения. – А я, между прочим, совершенно не расположен объяснять ему, когда он наконец очнется, куда я подевал его единственного в этом мире земляка.

Русский помрачнел и со вздохом склонился над своей тарелкой. Некоторое время оба молча ели, потом Юрий отодвинул пустую тарелку, утер рот уголком салфетки и, скомкав, положил ее на стол:

– И все-таки. Как быть, если они зададут тебе этот вопрос? Насколько я понял, у этого барона Конгельма достаточно возможностей, чтобы перекрыть или хотя бы сильно затруднить нам уход на запад.

Круифф молча налил себе стопку, залпом выпил и пробормотал сквозь зубы:

– Об этой проблеме подумаем, когда – и если – она возникнет.

У столика неслышно нарисовался официант:

– Господа велят подавать десерт?

Они переглянулись и ответили одновременно:

– Давайте.

На следующий день Круифф наведлся в банк к господину Максину. В приемной управляющего банка на строгой формы удобных кожаных диванах сидело довольно много народу, но, как только секретарша доложила о его приходе, господин Максин, взволнованный, почти сразу же возник на пороге и пригласил его в кабинет:

– Очень рад, очень рад... Чаю?

– Благодарю.

Они сели в кресла у небольшого чайного столика в углу обширного кабинета. Банкир собственноручно налил чай в изящные фарфоровые чашечки, придвинул гостю вазочку с вареньем:

– Прошу вас, угощайтесь.

– Еще раз благодарю.

Господин Максин поднес чашку ко рту, разок отхлебнул и дрожащей рукой поставил чашку обратно на столик. Было видно, что он не находит себе места от беспокойства и нетерпения.

– Прошу прощения, господин Кройф, – заговорил он возбужденно, – но, если это еще возможно, я бы хотел принять ваше предложение.

Круифф, по примеру хозяина ставя чашку на место, утвердительно кивнул:

– Без всякого сомнения. Вы столько для нас сделали, что я с удовольствием сделаю то, что обещал. Однако позвольте полюбопытствовать, – спросил он после короткого молчания, – что заставило вас изменить первоначальные намерения?

– Как, вы не знаете? Об этом все только и говорят. Четыре дня назад вооруженная банда совершила налет на специальный курьерский поезд и ограбила вагон, перевозивший наличность Государственного банка.

Круифф усмехнулся про себя, однако придал лицу крайне озабоченное выражение:

– Да что вы говорите! И большая банда?

– Чрезвычайно большая. Человек под сорок. А главарь у них – ромэл. И, что самое страшное, налет произошел всего в тридцати верстах отсюда. Если уж подобные банды безнаказанно орудуют так близко от города... – Банкир в возмущении стиснул руки.

Айвен сочувственно покачал головой:

– Вот видите. Я же говорил. И то ли еще будет...

Господин Максин согласно закивал:

– Да, да, вы были абсолютно правы.

Собеседники принялись пить чай, рассеянно глядя перед собой в большое окно, затянутое по краям морозными узорами. Круифф повернулся к банкиру:

– Я нынче же договорюсь о местах. Насколько я помню, детишек у вас двое?

Господин Максин кивнул.

– Отлично, значит, купе за вами. Там только два спальных места, но... уж как-нибудь. И вот еще что. Поскольку это военный эшелон, то приказ о его отправке может прийти в любой момент, так что вам необходимо перевезти семью в город.

– Всенепременно, – закивал банкир, – сегодня же закажу номера в «Принц-паласе».

– А вот этого я бы вам не советовал, – склонился к нему Круифф, – я наслышан, что эти так называемые «народные патрули» завели привычку вламываться ночью в гостиничные номера и производить самовольные допросы.

– Да что вы говорите? – Господин Максин вздрогнул. – И куда же смотрит полиция?

– Помилуйте, – грустно улыбнулся Айвен, – какая полиция? Когда вы последний раз видели городского? Теперь вместо полиции как раз «народные патрули». Не знаю только, какого это они народа.

– Но что же мне делать? – растерянно пробормотал банкир.

– А вы обратитесь к барону Конгельму. Он любезно согласился приютить у себя нашего больного друга. Да и вашим домашним там будет не в пример покойнее.

– Действительно, – обрадовался господин Максин, – вы знаете, все это так на меня подействовало, что... – Он прижал руки к груди, словно извиняясь.

– О, я прекрасно вас понимаю.

Они еще немного посидели, обсуждая детали. Наконец господин Максин спохватился:

– Да что же это я все о своем да о своем. Ведь, как я понимаю, у вас ко мне дело.

Круифф кивнул:

– Да, есть тут небольшое дельце. Могу я вас спросить, ваша связь с зарубежными корреспондентами пока еще надежна?

– Настолько, насколько это пока еще возможно в наших условиях. У нас есть собственный штат вооруженных курьеров, но... Вы сами понимаете... – Господин Максин приложил ладонь ко лбу, голос его повеселел. – Да, кстати, я последовал вашему совету и еще третьего дня телеграфом перевел все валютные счета в мой дочерний банк в Цимрихе, а также, не далее как вчера, отправил туда с курьерами большую часть наличного золота и основные ценности из клиентских сейфов. Они должны добраться туда к концу недели и телеграфировать мне.

– Ну, я надеюсь, что к концу недели нас здесь уже не будет. Однако у меня к вам вот какое дело. – Круифф немного помолчал, серьезно и даже с несколько заговорщицким видом глядя в глаза банкиру. – Те, кто меня послал, – люди чрезвычайно предусмотрительные и, кроме того, обладающие довольно значительными возможностями. А посему, несмотря на постигшую нас ужасную катастрофу, я все-таки получил в свое распоряжение достаточные средства. – Айвен умолк, стараясь подметить, не возникло ли случайно у господина Максина каких-либо сомнений на его счет. Но тот был весь внимание. Можно было продолжать без опаски. – Однако сейчас положение дел таково, что столь значительные средства, да еще в иностранной валюте, мне совершенно не надобны. Но оставлять их здесь, да еще учитывая, что мы собираемся уезжать, представляется мне совершеннейшим безумием.

Банкир всплеснул руками:

– О Господи! Ну конечно же. Я всенепременно обеспечу перевод ваших средств в любой выбранный вами банк. Как много вы собираетесь перевести?

– Восемьдесят две тысячи. В билетах бриттского государственного банка.

Господин Максин уважительно покачал головой:

– Солидная сумма, тем более по нынешним временам. Насколько я знаю, большинство иностранных бирж уже прекратили котировки нашей валюты, но даже по курсу полуторамесячной давности выйдет больше пятисот тысяч. – Банкир решительно тряхнул головой. – Не беспокойтесь. Даже если с курьером что-нибудь случится, моих активов вполне хватит, чтобы возместить вам все потери. Итак, в какой банк вы предполагаете их перевести?

Айвен улыбнулся:

– А давайте не будем мудрить. Пусть это будет ваш же дочерний банк, о котором вы мне расскажете.

Господин Максин просиял:

– Ну что ж, польщен. В таком случае мы все немедленно оформим в лучшем виде. И будем считать, что деньги уже там.

Через полчаса Круифф покинул здание банка обладателем личного номерного счета. Ко всему прочему у него в кармане лежал номерной ключ, открывающий доступ к этому счету, предназначенный для пилота, и еще один – для майора, буде тот очнется.

Следующие два дня прошли в предотъездных хлопотах. Круифф без особых хлопот решил вопрос с купе для господина Максина, уменьшив свой запас местной валюты еще на пятьдесят тысяч, и осторожно, мелкими порциями, чтобы не вызвать лишних вопросов, раздал долги. Юрий озаботился заготовкой продуктов на дорогу: они здраво рассудили, что буфеты на станциях по пути следования их поезда вряд ли будут работать. Кроме того, наметился легкий флирт между ним и старшей дочерью господина Максина, который перевез семью в дом барона на следующий же день после разговора с Круиффом. Майор по-прежнему находился в бессознательном состоянии. Соратники барона Конгельма рыли носом землю в поисках пропавшего поезда государя. А обещанный военный эшелон все еще недвижно стоял на запасных путях Центральной сортировочной станции, так что Айвен уже начал терять веру, что этот эшелон вообще когда-нибудь отправится. Но вот однажды ночью его разбудил звонок из Департамента военных перевозок округа. Эшелон должен был отойти от перрона завтра в два часа пополудни.

Остаток ночи и первую половину дня все провели в напряженном ожидании. Для доставки на вокзал майора и семейства банкира Юрий пригнал из гаража выпрошенный у старшего механика «ролкс». Всю дорогу до вокзала Круифф боялся, как бы к ним не привязался какой-нибудь «народный патруль». Слава богу, Юрию пришлось в голову приладить на капот флажок с красным кружком, играющий здесь роль красного креста, дам одели в платья сестер милосердия, ну а носилки с майором не заметить было просто невозможно. И все обошлось.

Когда эшелон наконец тронулся, Айвен обессиленно вздохнул и повернулся к пилоту:

– Ну, слава богу, похоже, двинулись.

Юрий криво усмехнулся:

– Погоди, это только начало пути. Кто знает, где он закончится.

8

Беда пришла неожиданно. Три дня поезд медленно, останавливаясь и подолгу стоя на каждом втором полустанке, двигался на север. Домашние господина Максина сильно волновались, и Круифф часто задерживался в их купе, оставляя пилота наедине с майором. В этом не было ничего удивительного – хотя в купе банкира набилось целых шесть душ, там все же было не так тесно, как в купе у Круиффа, где почти все свободное место было занято майором, которому пришлось подставлять лавки, чтобы он уместился на полке и не рухнул при резком торможении.

Всякий раз, когда поезд, лязгая вагонными буферами, замедлял ход, Айвен встревоженно прикинул к окну, а дамы испуганно съеживались и, напротив, отодвигались от окна как можно дальше. Иногда за окнами вагона слышались возбужденные голоса, мелькали какие-то вооруженные люди, но все обходилось, и вскоре они отправлялись дальше. Потом остановки стали короче и реже, все начали понемногу успокаиваться. Круифф уже не так часто заглядывал в купе господина Максина, передав инициативу пилоту, который продолжал флирт с умненькой и симпатичной дочкой банкира. Дорожный быт понемногу налаживался, и, если бы не теснота, с которой, впрочем, все уже как-то свыклись, путешествие походило бы на вполне заурядную поездку. Так было до той ночи, когда эшелон надолго застрял на какой-то станции. В полной неизвестности прошло часа два. Вдруг дверь купе с шумом открылась, и Круифф увидел перед собой людей в грязных и донельзя заношенных шинелях, небритых, с суровыми лицами, вооруженных пехотными штуцерами.

Верховодил, судя по всему, невысокий шустрый солдатик со злобными глазенками и жидкой всклокоченной бородкой. Он несколько мгновений по-хозяйски рассматривал их, потом сделал шаг вперед и наклонился над майором, занимавшим всю спальную полку и придвинутую к ней лавку:

– Болезный?

Юрий кивнул. Мужичок опасливо отшатнулся:

– Чумной?

– Нет. Просто без памяти.

Солдатик облегченно расслабился:

– Ну ладно, злыдни, хватайте свое энтого и давай наружу. Кончился ваш драп.

Они молча переглянулись. Вагон гудел и стонал, повсюду слышались сердитые, жалобные, умоляющие, растерянные голоса пассажиров. Кто-то кому-то грозил. Кто-то, наоборот, сулил деньги и вечную благодарность. Похоже, нечто подобное происходило в каждом купе. А значит, не было никакого смысла тратить время на разговоры.

– Прошу прощения, но мы не сможем его вынести. Он слишком тяжел. Это такая особая болезнь, от нее очень тяжелеют кости.

Сообщение Юрия поставило солдатика в тупик. Если бы пассажиры купе начали ругаться или просить его, он знал бы, как с этим справиться, он уже заранее предвкушал, как заставит «этих злыдней» выметаться из купе. Но то, что ему сказали, да еще таким спокойным голосом... Ну как можно заставить безногого встать и идти? Мужичонка несколько мгновений постоял в недоумении, недоверчиво хмыкнул, с опаской наклонился над майором и попытался приподнять его руку. По его покрасневшему лицу было видно, что она оказалась тяжелее, чем он ожидал даже после предупреждения. Солдатик наморщил лоб, раздумывая, потом с ухмылкой повернулся к Круиффу и Юрию:

– А вы его того, волоком. – Мужичонка заржал, за ним и все остальные.

Пилот, быстро взглянув на Круиффа, соскочил с полки и шагнул к солдатику. Айвен тут же развернулся к остальным, заслоняя пилота и солдата своей широкой спиной, и начал громко, с надрывом возмущаться:

– Ну как же так, господа! Как вам не стыдно! Как же можно так относиться к больному? Он же совершенно беспомощен. Разве вы сами никогда не были ранены или больны? Ведь мы же не требуем ничего невозможного и не отказываемся выполнить ваши распоряжения. Мы просим только...

– Ладно, неча ныть, – раздался за его спиной покровительственный голос, – так уж и быть, счас пришло медбратьев с носилками. – Солдатик отпихнул Круиффа в сторону и повелительно ткнул пятерней в одного из тех, кто пришел вместе с ним. – Плюян, все понял? Дуй в лазарет. – Он снова повернулся к землянам. – Вот что, господа хорошие, я вижу, вы люди смирные и с понятием. Так что сидите тут тихонько и не рыпайтесь. Все одно без толку. А мы покуда пойдем еще кой-кому укорот сделаем. – С этими словами он вышел из купе.

Русский, молча переглянувшись с Круиффом, осторожно задвинул дверь купе. Круифф шумно выдохнул. Несколько мгновений они молчали, потом Юрий сказал, покачивая головой:

– Черт, никогда не приходилось работать в таких условиях.

– Что ты ему приказал?

– То, что смог. Ни о каком конкретном приказе и речи быть не могло. Я попытался только хоть немного изменить общее отношение. Добавить доброжелательности, что ли...

– Похоже, кое-что тебе удалось.

– А толку? – досадливо отозвался Юрий, осторожно выглядывая в окно. – Похоже, мы попали в очень неприятный переплет.

Круифф согласно кивнул:

– Если я не ошибаюсь, это Коев.

– И что?

– Здесь расквартирована Шестая учебная дивизия генерала Тропина. Мне сказали в штабе округа, что он крепко держит ее в руках. По крайней мере, до самого нашего отъезда в штаб округа не поступало никакой информации о брожении в ее рядах. Я даже надеялся, что, если наш конвой понесет потери, мы сможем здесь пополнить охрану.

Юрий поморщился:

– Да уж, попали как кур в ошип.

Тут дверь купе с грохотом поползла в сторону, и в щель просунулась мрачная бородатая рожа:

– Ну, где тут ранетый?

Круифф поспешил ответить:

– Вот, но он не раненый, он больной.

– Чумной? – испуганно спросил медбрат.

– Нет-нет, что вы. У него довольно редкая болезнь, просто сильно потяжелели кости. – Он мгновение помедлил и поспешно прибавил: – Но это совершенно не заразно.

– Ну да, – недоверчиво начал медбрат, но тут позади него послышался знакомый голос, покрывший его таким многоэтажным матом, что тот вздрогнул и принялся торопливо затаскивать в купе носилки.

Носилки развалились, едва они выволокли майора из вагона. Медбрат чертыхнулся, с досадой покосился на Айвена и русского, у которых остались в руках лишь обломки задних ручек, и зло рывкнул на пришедшего с ним солдата:

– Ну че стоишь? Дуй за санитарной двуколкой.

Когда тот скрылся из виду, он повернулся к лежавшему на полу майору и с сомнением покачал головой:

– Ну дюже тяжел. Это что же за болезнь такая?

Круифф пожал плечами:

– Не знаю. Я не врач.

Юрий тихонько оглядывался. Перрон был заполнен солдатней. Большинство просто топталось у здания вокзала или толпилось у поезда, то и дело разражаясь смехом, когда из вагона вываливался очередной сановный пассажир, изрядно помятый и удрученный.

У самого паровоза угрюмо стояла плотная толпа солдат ветеранских рот. Они неодобрительно глазели на все, что творилось, но явно не собирались вмешиваться. Круифф покосился на окна своего купе. Он прихватил с собой в дорогу несколько упаковок золотых десятков и большую их часть засунул под обшивку вагона над окном. Конечно, за время, что поезд стоял на станции, у него не раз был подходящий момент, чтобы достать их оттуда, но Айвен сильно сомневался, будет ли это разумно. Он вздохнул и перевел взгляд на перрон. У вагона копошились пассажиры, торопливо собирая вещи, которые избежали конфискации. Солдатики с ржанием вышвыривали их из окон прямо в грязь. А шутники из толпы то и дело наступали ползающим женщинам на волочащиеся по земле подола, толпа вокруг весело гоготала, когда те взвизгивали или падали лицом на перрон. Все это очень напоминало поведение детей, которые внезапно обнаружили, что никаких внешних запретов больше не существует, ведь собственных моральных установок у детей еще нет.

Двуколка появилась минут через пять. Дважды к ним пытались прицепиться слегка подвыпившие ватаги, но оставшийся с ними медбрат сумел отогнать их, прокричав, что все делается по распоряжению Кузьяра. По-видимому, так звали того низкорослого солдата. Ватаги тут же отстали, из чего можно было заключить, что этот самый Кузьяр имел здесь немалую власть. Однако, когда они уже погрузили майора на двуколку, из толпы, окружавшей их, вдруг возникли двое – невысокий крепкий солдат, в отличие от большинства остальных, потрошивших вагоны, вооруженный громоздким пистолетом с неотъемным коробчатым магазином, и худой тип в отчаянно скрипящем длиннополом кожаном пальто, с кобурой барабанника на поясе. Гражданский недовольно спросил:

– В чем дело?

Судя по тому, что медбрат суетливо соскочил с двуколки и, подобострастно согнувшись, принялся что-то объяснять, власть этих двоих была побольше власти Кузьяра. Круифф с тревогой посмотрел на пилота. Тот стоял у колеса двуколки, покусывая нижнюю губу. Медбрат замолчал, застыв в поклоне. Солдат с пистолетом и гражданский переглянулись, потом солдат вскочил в двуколку и так же, как Кузьяр в купе, с заметным усилием поднял руку майора. Хмыкнул. Гражданский что-то буркнул медбрату и, мгновенно потеряв интерес к происходящему, двинулся дальше вдоль перрона.

Всех выгруженных из поезда пассажиров поместили в какие-то бараки, располагавшиеся на задворках станции. Бараки были обнесены забором с двумя рядами колючей проволоки, густо намотанной на беспорядочно натканные деревянные колья. Когда они, уже на рассвете, во главе скорбной колонны подъехали к воротам, пилот соскочил на землю и, делая вид, что ему необходимо срочно поправить голову майора, быстро огляделся по сторонам. Медбрат, который всю дорогу смолит «козью ножку» и сплевывал сквозь зубы, недовольно зыркнул на него и открыл было рот, чтобы прикрикнуть, но Юрий уже снова сел на место. Круифф поймал его взгляд – русский с кислой миной на лице отрицательно помотал головой. В следующее мгновение они въехали в ворота.

Трехъярусные нары, а также неистребимый запах портянок и прокисшего шинельного сукна ясно говорили о том, что бараки прежде были казармами одного из полков учебной дивизии и их превратили в некое подобие тюрьмы лишь недавно, на скорую руку.

Когда они с медбратом, в сопровождении двух угрюмых солдат, надрываясь, заволокли майора в мрачный и промозглый барак, из темноты выступило несколько фигур. Конвойные тут же взяли штучера наперевес, а старший надсадно рявкнул:

– А ну назад, вашбродь! И не балуй. Робяты на пулемете сидять.

Фигуры отпрянули, но не исчезли. Медбрат остановился и, зло ругнувшись, выпустил край брезента, на котором они тащили майора.

– Все, будя. Дальше сами.

Конвойные, настороженно водя по сторонам стволами штуцеров, попятились к двери. Круифф провожал их взглядом, пока они не скрылись, и повернулся к неизвестным, которые, судя по всему, были старожилками барака.

Один из них выступил вперед, потом неожиданно молодцевато вытянулся и, щелкнув каблуками, представился:

– Господа, ротмистр Кайне, к вашим услугам.

Айвен понимающе кивнул, что ж, этого следовало ожидать.

– Господин Кройф, господин Юри. Милостивый государь, вы не поможете нам донести до нар нашего друга?

Ротмистр молча отвесил короткий поклон, больше похожий на кивок, и, шагнув вперед, взялся руками за угол брезента.

Полчаса спустя, когда конвойные загнали в барак первую партию несчастных пассажиров и офицеры переключили свое внимание на вновь прибывших, Круифф наклонился к Юрию и тихо спросил:

– Ну как?

Русский отрицательно качнул головой:

– С майором не пройти, бесполезно. Двойной забор и почти десять метров сплошной «путанки» внутри, между линиями ограждения.

К вечеру, когда все вновь прибывшие уже кое-как разместились, ротмистр появился снова. Увидев издали, что офицер направляется к нарам, где рядом с землянами разместилось и семейство господина Максина, Круифф подумал, уж не дочери ли банкира привлекают его сюда. Однако оказалось, что он был не прав. Ротмистр молодцевато щелкнул каблуками, с галантным видом приложился к ручке жены банкира, что, учитывая окружающий антураж, выглядело несколько нелепо, и повернулся к Круиффу и Юрию:

– Господа, вас хочет видеть генерал.

Круифф и пилот обменялись быстрыми взглядами, потом Айвен встал и обратился к банкиру:

– Друг мой, прошу вас, посмотрите за нашим спутником.

Господин Максин, пребывавший в прострации, встрепенулся и закивал головой:

– Конечно-конечно.

Круифф повернулся к ротмистру:

– Мы готовы следовать за вами, господин офицер, – и шагая следом за ним, попросил: – Вы не могли бы рассказать нам, что здесь произошло?

Пока они неспешно пробирались через кишачий растерянными людьми барак, ротмистр в общих чертах ввел их в курс дела:

– Прошу простить, господа. Но все произошедшее с вами есть результат бунта, поднятого в нашей дивизии чертовым городским Комитетом действия два дня назад... – Он задел ногой какой-то узел, который, к его удивлению, оказался старичком, который лежал на грязном полу, свернувшись калачиком. – Прошу простить... Ну что же это вы, папаша, пойдемте, пойдемте, вон там есть свободное местечко. – Проводив старика, он вернулся к спутникам и возобновил свой рассказ: – Так вот. Все произошло неожиданно. За одну ночь во всех полках возникли эти сволочные Комитеты действия, и к утру все офицеры были арестованы. – Он негодуя вздернул подбородок, но тут же снова взял себя в руки. – Двух командиров батальонов и одного комполка тут же расстреляли. Остальных изолировали в этих бараках. Вон в тех, – он кивнул в сторону маленьких окошек с грязными стеклами, за которыми виднелись еще два барака, –

полковые офицеры, некоторые унтера, всего человек четыреста, а может, и пятьсот. Нас же, штаб дивизии, разместили здесь. Конечно, там их набилось как сельдей в бочке, у нас до вашего прибытия было попросторнее, но только вот не топят, так что удивляюсь, как мы за эти два дня вообще не замерзли. – Он горько усмехнулся. – Ну ничего, теперь согреемся. Ну вот, господа, мы и пришли.

Генерал Тропин оказался крупным мужчиной зрелого возраста, украшенным воинственно торчащими усами и роскошными бакенбардами, которые даже в этой обстановке были аккуратно подстрижены и тщательно расчесаны.

– Прошу, господа, – генерал с кряхтением поднялся на ноги и жестом радушного хозяина указал на нары напротив себя, – конечно, мне хотелось бы, чтоб наша встреча произошла в несколько иной обстановке, но... – И он развел руками.

Айвен и Юрий вежливо поклонились и представились.

– Прошу простить, что оторвал вас от ваших забот, но меня крайне заинтересовало, как вам удалось добиться того, что вашего больного друга доставили сюда на санитарной двуколке. Сказать по правде, после того, что здесь творилось, я слабо представляю себе, который из их главарей оказался способен на столь милосердный поступок. – Генерал покачал головой и с горечью добавил: – И это мои солдаты...

Круифф бросил быстрый взгляд на пилота и, не вдаваясь особо в детали, описал эпизод в вагоне. Когда он произнес имя Кузяр, стоявший рядом с генералом ротмистр изумленно вскинул брови. Впрочем, как видно, это происшествие удивило и самого генерала.

– Да, господа, не ожидал, не ожидал. – Он помолчал несколько мгновений, потом снова заговорил: – Еще раз прошу меня извинить, но главная причина, почему мне захотелось увидеться с вами, заключается в следующем. – Он подкрутил усы и приосанился, словно давая понять, что собирается сказать что-то важное. – Насколько я могу судить, нам предстоит пробыть здесь не день и не два. И мы, офицеры, хотя отныне мы и составляем в бараке незначительное меньшинство, тем не менее благодаря нашей сплоченности, воинской выучке и личному мужеству остаемся единственно способными здесь не давать воли отчаянию и по возможности контролировать ситуацию. Чего, как я уже заметил, нельзя сказать об остальных обитателях барака. Не обо всех, конечно, – уточнил генерал, – однако, дабы в бараке не случилось раскола и не установились подлые порядки, нам необходима помощь всех, кто может ее оказать. – Генерал выразительно посмотрел на Круиффа и Юрия. – Вы с первого взгляда показались мне людьми, умеющими добиваться своего. И я прошу вас принять на себя обязанности, скажем так, лиц, которые помогут мне организовать достойных людей из гражданских для поддержания необходимого порядка. – Генерал замолчал, не сводя с землян требовательного взгляда и явно ожидая ответа.

Круифф мысленно поморщился. Если они всерьез собираются заняться подготовкой своего исчезновения из этого негостеприимного места, соглашаться на это лестное предложение никак нельзя. Какое-то время они оба молчали, потом Айвен заговорил, старательно выбирая слова:

– Мы благодарны вам, господин генерал, за оказанное нам столь высокое доверие, но... С нами больной друг, он совершенно беспомощен, а предложенная вами деятельность, несомненно, потребует от нас значительного внимания с нашей стороны. К тому же мы взяли на себя ответственность еще за несколько человек, среди которых есть и дамы, так что, боюсь, к нашему великому сожалению, мы будем вынуждены отказаться от вашего предложения. – Он умолк и, увидев гримасу разочарования на лице генерала, утешительным тоном добавил: – Однако могу заверить вас, что как частные лица мы всецело поддержим ваши усилия.

Генерал вздохнул:

– Я понимаю вас, господа. Хотя и огорчен. Конечно, если бы вы действительно хотели принять мое предложение, то и охрану, и уход за вашим товарищем вполне можно было бы

обеспечить, но... благодарю и не смею настаивать. Последний вопрос. Не могли бы вы посоветовать мне кого-нибудь, кто, по вашему мнению, способен заняться этим делом?

Круифф задумался:

– Прошу простить, господин генерал, я совершенно не знаком с большинством наших попутчиков, а из тех, кого знаю, могу порекомендовать только господина Ракиту. – И он показал на человека плотного телосложения с аккуратной седоватой бородкой, деловито занимавшегося ревизией своих вещей.

Генерал с недоумением вскинул брови:

– Господин Ракита?

Айвен кивнул:

– Да. Мне кажется, это – лучший выбор.

Генерал с сомнением покачал головой:

– Никогда о нем не слышал.

Круифф вежливо улыбнулся:

– Последняя должность, которую он занимал, – товарищ министра почт и телеграфа.

Генерал изумленно вскинул голову:

– Но ведь товарищем министра был граф Бронков, внебрачный сын прежнего...

– Именно так, – согласно кивнул Круифф, – но после отречения он принял фамилию матери, и большинство пассажиров знают его под этой фамилией. – Он встал. – А теперь позвольте откланяться.

Они направились к своим нарам. Вдруг Юрий остановился и, повернувшись к Круиффу, приложил палец к губам. Там, где они располагались, кто-то громко переговаривался. Айвен осторожно выглянул за угол. Могучая фигура майора раскинулась на полу рядом с нарами, господин Максим сидел поодаль у стены, держась руками за окровавленную голову. Жена склонилась над ним, дочери испуганно жались рядом, а на нарах самодовольно развалились четверо плотных мужчин средних лет, по внешнему виду – биржевых маклеров. Круифф зло ощерился:

– Как сказано в Писании, да воздастся каждому по делам его. Вот и расплата за наш отказ. – Он повернулся к Юрию. – Ну что, попросим помощи у господ офицеров?

Юрий молча тряхнул головой, скрипя зубами, и вышел из-за угла:

– Эй, господа, по-моему, вы поступили неблагородно. Эти нары уже заняты. Почему бы вам не извиниться и не пойти поискать другое место?

Ответом ему были пренебрежительные взгляды захватчиков, один из них смачно сплюнул, ловко попав слюной ему на ботинок. Юрий презрительно улыбнулся и покачал головой:

– Посмотрите, господин Кройф, на первый взгляд – вроде приличные люди, а на самом деле – шваль подзаборная.

– Что-о-о? – Все четверо в изумлении уставились на pilota.

В мгновение ока они были уже на ногах, и тот, что плюнул, с шутовской серьезностью обратился к своим товарищам:

– А что, господа, как вы смотрите на то, чтобы примерно наказать этого нахала и заодно слегка согреться?

Юрий, не дожидаясь, что за этим последует, мягким кошачьим движением скользнул вперед. Первого он отключил жестким ударом в кадык. Второй получил короткий удар ногой в пах и два одновременных хлопка по ушам раскрытыми ладонями. Третий попытался ударить русского тростью, но вдруг обнаружил, что его собственная трость торчит у него между осколками зубов, и, видимо пораженный этим открытием, закатив глаза, рухнул на нары. Так что не прошло и пяти секунд, как мастер по плевкам и обогреву вдруг обнаружил, что остался один. Несколько мгновений он изумленно пялился на валявшихся соратников, потом поднял глаза на Юрия и, растянув губы в боязливой улыбке, рассыпался мелким смешком:

– Прошу прощения, господа, мы как-то не поняли, что эти места заняты столь достойными людьми. Мы, конечно, с радостью...

– Заткнись. – Юрий прошелся между поверженными противниками, коротким пинком привел в чувство типа с разбитыми зубами и снова повернулся к своему собеседнику. – Встать! – негромко приказал он.

Трое поверженных, постанывая, поднялись на ноги.

– А теперь осторожно положите нашего друга на его место.

Все четверо, пытая и суетясь, поспешно выполнили распоряжение. Юрий взглянул на любителя согреться:

– Снимай пальто.

Тот покорно скинул добротное драповое пальто и замер, выжидательно глядя на Юрия. Тот выставил вперед ногу и, кивнув на ботинок, сказал с усмешкой:

– У меня случайно запачкалась обувь.

Маклер молча рухнул на колени и с остервенением принялся за дело. Когда было покончено со вторым ботинком, русский кивком позволил ему подняться и, окинув всех четверых взглядом, от которого они покрылись гусиной кожей, тихо произнес:

– Я преподавал вам урок. Возможно, этого достаточно, хотя я в этом сильно сомневаюсь. Ну, да бог с вами. Но если я однажды, совершенно случайно, просто замечу вас где-нибудь поблизости, я... продолжу наши занятия.

9

Они жили в бараках уже две недели. Круифф не переставал удивляться тому, как люди умеют приспособливаться. Пассажиры поезда представляли сливки высшего общества и делового мира древней столицы. Аристократы, купцы, биржевые дельцы и высшие чиновники, финансисты и инженеры, землевладельцы и заводчики, они в большинстве своем владели немалым состоянием и домами, держали многочисленную прислугу, а теперь как ни в чем не бывало занимали очередь к параше, переругивались у корыта, где стирали носки и носовые платки, с деловым видом обсуждали гастрономические достоинства сегодняшней баланды по сравнению с тем, чем кормили вчера. Офицеры и добровольцы из гражданских довольно быстро подавили всякие попытки установить «право сильного», да и среди пассажиров оказалось не много желающих его установить. После стычки, случившейся в день приезда, по слухам, была принята еще только одна такая же попытка. Так что к исходу второй недели их быт уже совершенно устоялся. Все это время Круифф настойчиво искал возможности для побега. Однако ничего путного пока не подворачивалось.

Все кончилось внезапно серым морозным утром, когда тяжелые двери барака с противным скрипом распахнулись и на пороге появились солдаты со штычками наперевес во главе с тем самым солдатом с пистолетом, которого они запомнили еще по встрече в первое утро на перроне. Как рассказал Айвену ротмистр, частенько заходящий в гости, этот тип был заместителем председателя Комитета действия и теперь его именовали соратник Брузь. На этот раз его пистолет был упрятан в громоздкую деревянную кобуру, болтавшуюся на левом боку где-то на уровне паха.

Было еще темно, но от мощной волны чистого и холодного воздуха, ворвавшейся в раскрытые настежь двери, все тут же проснулось. Соратник Брузь, окинув взглядом зашевелившихся на своих нарах пленников, зычно приказал:

– Выходи строиться.

Стронуть с места такую массу пригревшихся за ночь, еще не до конца проснувшихся людей, к тому же не привыкших к военной дисциплине, было не так-то просто, и все же не прошло и часа, как все они, поживаясь, уже стояли на улице. Майор тяжело висел на плечах Юрия и одного из офицеров, поскольку на этот раз их просьба о носилках вызвала на лице «соратника» лишь слабую презрительную гримасу. Так что, когда он приказал женщинам выйти из строя и вернуться в барак, Круифф и Юрий лишь молча переглянулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.